

СМЕНА

2

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва. На Кутузовском проспекте.
Фото Г. Дубинского.

В НАШЕМ ГОРОДЕ

Слова Ю. ЛЕДНЕВА.

Музыка Я. КАРАИ.

Тип вальса

Огоньками яркими
Над родными парками
Снова опускается
Вечер-чародей.
Тонут липы в золоте,
Много в нашем городе
Тихих переулков,
Шумных площадей.

2 раза

Есть у нас неглиная
Улица неглиная,
Там, у Трубной площади,
В зелени — скамья,
Паренька речистого,
Русого, плечистого
На неглиной улице
Подкидаю я.

2 раза

Можно б на свидание
Выйти с опозданием,
Только я любимого
Не заставлю ждать.
Мне на площади Красную
По простору яскому
С милым парнем под руку
Хорошо шагать.

2 раза

Мы пройдем по городу,
Где привыкли смолоду
В жизни не сворачивать
С верного пути
Ой, ты, ширь московская,
Ты, звезда кремлевская,
Счастье наше юное
Ярче освети!

2 раза

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.
Январь. № 2. 1958 год.

Год
издания
35-й

Смена окончена. Премьер-министр Ткачев Харитонов вела итоги. Порываги неплоты, каждая выпиривала около двух норм!

О ТЕХ, КТО В ДРУЖБУ ВЕРИТ ГОРЯЧО...

Фото М. Муразова.

Почти на каждом шагу повседневной жизни мы соприкасаемся с всевозможными проводами. Телефонные и телеграфные как бы сокращают расстояние — дают возможность поддвинуть связь между самыми отдаленными городами и селами. Провода электрических линий несут свет в жилища и энергию в цеха фабрик и заводов. Провода — это нервы всевозможных машин, приборов, агрегатов.

На подольском заводе «Подольскнабель» изготавливаются провода самых различных сечений, с изоляцией почти всех цветов радуги. Продукция этого завода нужна всем отраслям нашего народного хозяйства, без нее невозможно сделать ни радиоприемник, ни телевизор, ни сложную вычислительную машину.

Завод «Подольскнабель» досрочно выполнил задание минувшего года и выпустил сверх плана продукции на несколько миллионов рублей. В этом достоинстве — большая заслуга и рабочей молодежи.

Вот еще одна бухта провода, изготовленная сверх плана. Есть чему радоваться Наде Булычевой.

Мастер своего дела, требовательный бригадир и хороший товарищ — тановикомсомолец Валентин Богатырев (фото справа).

Провод, который проходит за год через руки перемотчицы Вали Юдиной, можно протянуть от завода до Комсомольска-на-Амуре и обратно.

Молодые рабочие и работницы вместе трудятся и вместе отдыхают. В выходные дни они часто ездят в Москву — в театры и музеи.

— Посмотри, какой подарок я тебе принес! — говорит Николай Романов своему сынишке Юре.

Накануне нового года двенадцать молодых рабочих и работниц цеха № 2 выступили с полезной инициативой — предложили создать комплексную комсомольско-молодежную бригаду. В этом цехе трудятся прессовщики и перемотчицы. Раньше на этих сменных операциях — прессовка и перемотка — юноши и девушки работали разобщенно, заботились каждый лишь о своем задании, отвечали лишь за свой участок. Комсомольцы решили объединить прессовщиков и перемотчиков в одну бригаду, установив тем самым взаимный контроль и товарищескую взаимопомощь.

Почти молодежь оправдала себя. Качество проводов повысилось, простои сократились, работа пошла ритмичнее. Комсомольско-молодежная бригада ежедневно перевыполняет сменные задания, и технические контролеры завода не имеют к ней никаких претензий.

Возглавляет бригаду комсомолец Валентин Богатырев. В бригаде трудятся и опытные рабочие и новички.

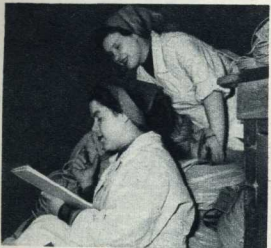
К XIII съезду ВЛКСМ молодежь завода «Подольскнабель» готовит новые производственные подвиги. Била на себя повышенные обязательства и комплексная комсомольско-молодежная бригада цеха № 2. Об этой бригаде, о тех, кто в дружбу верит горячо, и рассказывает наш фоточерчик.

Альберт Ныров работает недавно, из этой поросли с большой заводской семьей. Он участник самодеятельности, член заводской хоккейной команды. Появился у него и свой «большакино», который активно стоит в воротах. Альберт делает разминку.

Члены бригады поили в гостях у Софии Ивановны Морозовой, которая была делегатом III съезда комсомола. С волнением рассказывала она молодежи о том, как слушала Владимира Ильича.

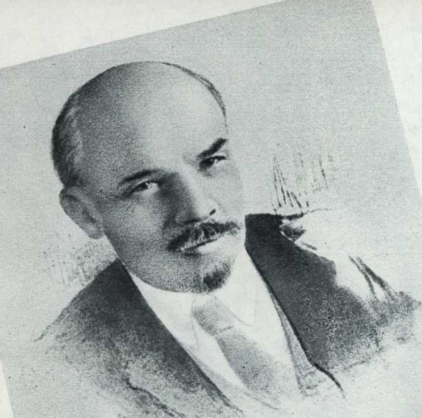
Тамаре Хоринной интересно узнать, что за песню разучивает Надя Бульчичева в час обеденного перерыва. Вся бригада гордится Надей, когда она поет со сцены заводского клуба.

Сергей Муратов помогает Топе Густовалову в совершенстве овладеть мастерством прессовщика.

В комплексной бригаде каждый должен хорошо знать весь производственный процесс. Опытный прессовщик Василий Ачкасов знакомит первичницу Зою Печагину с устройством прессового стана.

*Дорогой друг Владимир Ильич!
Коллекция фотографий
Москва, 6 марта 1919 г. М. С. Наппельбаум.
Rakkailla ystäville Suomen Kommunistisissa Puolueissa.
Moskova 6 p:näalisäkuuta 1919. W. Ulfanov (Lening).*

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛЕНИНСКОГО ПОРТРЕТА

В. И. Ленин не любил фотографироваться. Об этом рассказывают многие близкие знавшие Владимира Ильича люди. Фотографам не часто удавалось запечатлеть его во время выступлений или за работой в кремлевском кабинете, а еще реже — сделать специальный художественный портрет.

Фотограф М. С. Наппельбаум, снимавший Свердлов, Дзержинского, Урицкого, Горького, Сталина, Ренна, с особым чувством вспоминает о том, как ему однажды пришлось фотографировать Владимира Ильича, чтобы сделать его портрет.

Вот она перед нами, эта замечательная фотография. Пובлеская удивительно живыми глазами, смотрит Ильич с этого снимка:

В сплывших лба
заигнана

В огромный лоб —
огромная мысль.

Небезынтересна история этого ленинского портрета.

...Январь 1918 года. Невский проспект утопает в сугробах. Преодолевая их, с трудом пробирается маленький автомобиль. Он подъ-

езжает к дому № 72. На фасаде вывеска: «Художественная фотостудия М. С. Наппельбаума».

— Стоп, приехали! — говорит шоферу человек в кожаной куртке. Он выходит из машины и направляется в ателье.

Его встречает высокий черноробордый мужчина.

— Чем обязан?

— Я из Смольного, — отвечает вошедший. — Дело в том, что по решению ЦК издаются избранные сочинения Ленина. Книгу должны открывать портрет Владимира Ильича. Не могли бы вы его сделать?

— Я готов, — отвечает фотограф. — Когда надо ехать?

— Если можете, сейчас.

Взяв громоздкий деревянный аппарат, Наппельбаум садится в автомобиль и едет в Смольный.

Ленин стоит возле дверей своего кабинета. Он оживленно беседует с двумя рабочими, приехавшими из Минска. Закончив беседу, Владимир Ильич обращается к фотографу:

— Ну что ж, приступим? Решение ЦК надо выполнять.

Они идут в конференц-зал — огромное помещение с длинным столом, покрытым красной скатертью. Наппельбаум устанавливает штатив, готовит кассеты.

А тем временем Владимир Ильич присаживается к краешку стола и, углубившись в бумаги, забывает о фотографe.

В зале мало света. Наппельбаум, хмурясь, делает несколько снимков: он не уверен, получится ли они. И вдруг солнечный луч проникает в зал, освещает фигуру Ильича.

Медлить нельзя. Фотограф решаете напомнить о себе. Ленин поднимает голову и, слегка улыбающийся, просит извинения за свою невнимательность. Щелкает затвор фотоаппарата.

Так был сделан первый послеоктябрьский портрет В. И. Ленина...

Вернувшись в ателье, фотограф прошел в лабораторию и заперся там. Беря в руки раскисшую пачку с мутно-белым проявителем, осторожно перекладывая пластины в фискаж, он с нетерпением ждал того момента, когда можно будет посмотреть негативы на свет.

— Все в порядке! — обложено и радостно вздохнула Наппельбаум, рассматривая негативы.

Как только отпечатки просохли, он взял один из них, вышел на улицу и в самом центре витрины повесил новую фотографию. Прохожие подолгу останавливались, вглядываясь в дорогие черты ленинского лица.

Через несколько дней Владимиру Ильичу принесил этот фотопортрет и попросил поставить на отдельном листе свой автограф и дату съемки — 31 января 1918 года. Выполняя просьбу работников издательства, Ильич приписал внизу: «Очень благодарю товарища Наппельбаума. Ленин».

Надежда Константиновна Крупная особенно ценила и любила эту фотографию. Репродукция с нее разошлась по всему миру в миллионах экземпляров.

В марте 1919 года, когда Наппельбаум делал съемку на заседаниях I конгресса Коммунистического Интернационала, к нему обратились секретариата с предложением дать несколько отпечатков с негатива знаменитой фотографии В. И. Ленина. Это было сделано по просьбе иностранных делегатов, которые хотели увезти с собой на родину портрет великого вождя, основателя первого в мире социалистического государства.

Часть этих снимков с автографами Ленина сохранилась. На одной такой репродукции рукой Владимира Ильича написано:

«Дорогим друзьям Финляндской Коммунистической партии. Москва, 6 марта 1919 г.».

Как-то в начале мая 1919 года к Наппельбауму пришел очередной посетитель. Это был французский писатель Апри Гильбо. Сказав, что он пишет биографическую книгу о Ленине и ему необходим для нее портрет Владимира Ильича, француз протянул фотографу записку с несколькими шутливыми обращениями:

«Товарищам, заведующим фотографическими отделами советской власти».

* В русском издании публикуется впервые.

Владимир Ильич присел к краешку стола. Он уже забыл о фотографe, он весь ушел в работу.

СТИХИ

участников литобъединения

«Молодость»

Десять лет существует в Ировском районе Новосибирска литературное объединение «Молодость». Его участники — рабочие, инженеры, студенты, служащие. Деловые обсуждения новых произведений, тематические семинары, дискуссии, проводимые здесь, значительно помогают творческому росту одаренной молодежи. Некоторые из воспитанников «Молодости» уже издали собственные книги. Более опытные товарищи помогают начинающим. Заведующий заводом электротехнического института А. Руданов, студент заводской школы В. Паскин, инженер Н. Кузнецов приняли в литобъединение совсем недавно. На этой странице мы публикуем стихи самых молодых участников литературного объединения «Молодость».

КАК МЫ ЗАВИДОВАЛИ СТАРШИМ

Как мы завидовали старшим,
когда в приткшем кинозале
в стремительном победном марше
бойцы Чапеева скакали!

А в сорок первом — самом горьком,—
ум позорославие, мы сами
в красноармейских гимнастерках
шагали на фронты бойских.

Мы измеряли жизнь боями,
где лишь одно: «Назад ни шаг!»
И росписи кой-кому на память
оставили мы на рейхстаге.

Встают сегодня всюдь стройки,
работы гул встречает утро...
О молодых, горячих, стойких
рассказывает репродуктор.

Сынники сини в кино от вздохов:
мол, опоздал на свет родиться
и героической эпохе
теперь уже не повторится...

Сегодня он пока не знает,
что подвиг свой свершит он скоро...
Путь к счастью людям освещает
звезда, замкнутая «Авророй».

И. КУЗНЕЦОВ,
инженер

Над ним, весенний прорезав воздух,
«Я жду-у!» — зовут протяжные гудки.

На этот зов людские вереницы
Вдоль улиц потянулись без конца...
У девушек — сияющие лица,
У юношей — горячие сердца.

Они проходят заводские арки —
Лекальщики, монтеры, токари...
И, кажется, от их улыбок ярки
Румянится над городом зари.

И. СЕННИКОВ,
электрик

* * *

У моста, где вьется речка звонкая,
Загрустив на несколько минут,
Песню про рыбинушку про тонкую
Вечерами девушки поют.

Мы не знаем, девушек-красавиц,
Для кого поется песня та,
Только нам она уж очень нравится,
Слушали ее мы неспроста:

Будто над родимую сторонкою
Эту песню ветер подхватывает,
Будто бы с любимого детского
По душам солдаит поговорил.

Станислав РЫБАЛКИН

ОСЕНЬ

Я иду по росе. Вот и осень:
Небо просеку над головой синит,
На кусты как будто кто-то бросил
Горсточку наяранных синиц.

Исцелован солнцем каждый листик,
Каждая осиновая ветка,
На берегах дрогнули моности,
Тихо-тихо начали звенеть.

Неужели, думалось мне, дождик
Смоет краски яркие в лесу!
Но смеюся с улыбой слез художник —
Я, мол, все на холст перенесу.

Полотно пристрою на мольберте,
Он легко кладет к мазку мазок...
Пожалей я, что с безрезв ветер
Оборвал еще один листок.

ЗАВОДСКОЕ УТРО

На небе гаснут утренние звезды,
Пронснулся город у Оби-реки.

СВАТОВСТВО (Шутка)

Ждм, причд к тебе со сватом,
Но скажу сейчас:
— Буду век я неженатым,
Если дашь отказ!

Предложение не рада!
Не толи, скажи!
Без тебя, моя отрада,
Не могу я жить.

Знаешь, сердце-то не камень...
Вот моя рука!
Если я тебе не парень,
Волга — не река.

И. ДЕМИН,
учащийся техникума

Залиска В. И. Ленина, с которой французский писатель Анри Гильбо пришел в 1919 году к фотографу М. С. Напелбауму.

Далее в записке говорилось: «Удостоверяю, что податель тов. Анри Гильбо — член французской секции Коммунистического Интернационала, прошу оказывать т-цу Анри Гильбо всякое содействие, по возможности сваявая его фотографии».

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин) *.

Получив портрет Владимира Ильича, писатель поблагодарил мастера и сам пожелал сфотографироваться.

Анри Гильбо познакомился с Лениным еще в 1916 году в Швейцарии, во время Кнхтальской конференции. Весной 1918 года он посетил Советскую Россию и, совершив путешествие по стране, неоднократно встречался с Владимиром Ильичем. В марте 1919 года Гильбо снова оказался в Москве, но на этот раз в качестве делегата I конгресса Коминтерна. 5 марта в 9 часов вечера к нему в номер «Метрополя» пришел Ленин. Во время беседы Гильбо рассказал Владимиру Ильичу о своем намерении написать о нем биографическую книгу.

Напелбаумовский портрет В. И. Ленина, историю которого мы коротко рассказали, произвел большое впечатление на Демьяна Бедного, и он посвятил фотографу следующие стихотворные строки:

В мастерстве своем великом
Современник он насловов:
Ставя линзу впрямь и вносъ,
Он тебя вликом замучит.
Но уж снимочек получишь
Что хвалю я не с плеча,
Что лукавства нелгу в этом,
Подтверждаю я портретом.
Взгляни на влику Ильича,
Настоящего, вликого.
За фотографа твоего,
Кто о его ни прикивался,
Я всегда замолваю слово:
Он ведь Ленина снимал! *

Напелбауму посчастливилось еще несколько раз снимать Владимира Ильича. Эти фотографии хранятся в альбомах Центрального музея В. И. Ленина.

Когда 88-летнего фотохудожника, заслуженного артиста РСФСР М. С. Напелбаума спрашивают, какой из сделанных им портретов он считает самым удачным, неизменно следует ответ:

— Ну, конечно же, ленинский!

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

* Публикуется впервые.

ЛЕНИНСКАЯ ДЕПЕША

Рассказ

журного по станции — и будет жить привалякой. Работа чистая, положение начальственное... Прелесть сейчас хотя и бесплодной: царя смачнули, министры меняются, как перчатки, все вверх ногами переворачивается... но железная дорога как была, так и есть. Она обойдется и без царя с его министрами и графами — любой власти нужна. Значит, и железнодорожник нужен. Дежурный по станции на железной дороге — как общевойсковой командир в армии: ему же службы подчиняются... А в политуке ты, Петя, не лезь! — поучает Федор Васильевич. — По суду своего отца должен знать, к чему это приводит...

Петя знает. Год назад его отец, путевой обходчик, подобрал у откоса листовки, должно быть, сброшенные с поезда. И вместо того, чтобы отнести их жандармам на станцию, rozdal людям — двум семнадцатилетним старшим, трем бабам, провозившим утром на мельницу, шахтером Бобринского рудника, шедшим на работу. Одну из этих листовок Петя принес а школу, а село Сергеевское, где тогда учился. На большой перемене читали вслух всем классом. В листовке говорилось, из-за чего идет война, почему плохо живет-ся народу. «Долой самодержавие! — призывала листовка. — Конец грабительской войне! Землю — народу!» Под листовкой стояла подпись: «Комитет РСДРП(б)».

После перемены, на уроке закона божьего, кто-то из учеников спросил батюшку отца Серафима: «А за что идет война?» Тот ответил: «За веру, царя и отечество». Ученик возразил батюшке словами, вычитанными из листовки, и урок тут же был прерван. Началось расследование. Пришлось Петке рассказать, откуда он взял листовку. Ночью на пост прибыла дрезина с жандармами. Они арестовали отца и увезли. Через неделю стало известно, что его отдали в солдаты и отправили на фронт. А спустя два месяца дорожный мастер Григорий Степанович Зубов зашел а будку. Мать, стиравшая белье, оберлась переднимом табурету. — Не хлопочи, не хлопочи, сидеть мне некогда, — сказал Зубов и сел. Помолчал, он вынул из кармана бумагу. — Вот, извеще-ние...

Петя помнит это страшное молчание, которое несколько мгновений стояло в маленькой комнате. Помнит, как мать, приложив красные, мокрые руки к горлу, шепотом спросила: — Что?

Петя сразу же понял, судорожно проглотил слезы и бросился к матери.

— Ну... мастер встал и развел руками, — не один твой, многие

там леги, что же теперь делать! Штатной сторожской тебе назначили. Была временной, теперь — штатной... А это на, прибережи... Он положил бумагу на стол и пошел к двери.

С того времени прошло около года. Но все, что пережила Петя, когда узнал о смерти отца, он помнит до мельчайших подробностей... Следую советам Федора Васильевича, он не лезет в политику. Конечно, скучно сидеть дома, на разведе, — кругом голое поле. А в двух — трех километрах от будки, в Сергеевском или в Семёновке, где графское имение, или на руднике каждый день собрания, митинги, а то и стрельба... Сбегать бы посмотреть, но нельзя: дал слово матери не лезть в политику...

Каждый день мимо развода проходил поезд. Почти все они битком набиты пассажирами, чаще всего солдатами. Многие на буферах, на крышах. Остановится на разведе такой поезд — не принимает соседняя станция, забита составами, — и начинается скандал. Солдаты, гроз а Федору Васильевичу расстреляно, требуют немедленного отправления поезда. А он неустрашим: — Хотите попасть в крушение, поезжайте! Не держу! — И страсти утихают.

Петя уже хорошо изучил телеграфный аппарат, овладел техникой передачи и может вести прием на слух, не пуская ленту. Свою позывные улавливает моментально. Он знает, как барабаны дробь: точка, два тире, точка, три точки, тире, что значит: ПСТ, то есть «Пост».

Сейчас Петя один а будке. Федор Васильевич пошел домой пить чай. На ставеньке дверцы висит комбин фуляр с сигнальным флажком, рядом — малоценный железный щипчик с пестардами. Над фуляром и щипчиком — красная фуражка с серебряным позументом по черному околышу. Петя снимает ее с гвоздя и, как это делал уже десятки раз в отсутствие Федора Васильевича, примеряет. Зеркалом служит стекло в рамке, где помещается «технический распорядительный акт поста». Стекло довольно четко отражает фуражку на кудрявой Петюнькиной голове, крупное лицо с широко расставленными большими глазами, сморщенный рот, ровные зубы и вмятки на щеках. Петя отходит от «зеркала» подальше. Теперь он видит себя всего, с головы до ног, обитых в здоровенные австрийские ботинки. Ноги обтянутые до колен шерстяными матерными чулками, похожи на спички. На плечах непомерно широкий отцовский пиджак. На худенькой длинной шее, как цетунчик, висит медальон с цепочкой. Поднимающая голова в непомерно большой фу-

ражке. Петке нравится только отражение фуражки. — Эй, если бы мама выдала! — размышляет он и смотрит а окно. За окном — серое небо, бурный откос, четыре тусклых полосы рельсов.

Заработал аппарат. Петя намеренно прислушивается в трескучую дробь «морзянки». Распорядительная станция вызывает линейных. Вот ответила пераза, за ней вторая, третья... Наконец Петя слышит знакомые позывные. Он берет с тремя пальцами за ключ и четко उत्तरивает: «Я — пост. «Слушаю!» — отвечают ему, и вызов станций участка продолжается. Петя достает из стола стопку чистых бланков депо, выбирает свежий листок копировальной бумаги, подкладывает его под первый экземпляр бланка, вооружается карандашом и слушает. Он знает: если распорядительная станция в вызове участка, значит, будет передано что-то важное. И тут уже на слух надеяться нельзя — пусканий ленту, списывая с нее.

Вызов принят. Распорядительная выстукает: «Слушаю асе!» Петя подкрывает пружину лентопускателя, переводит рычажок аппарата в рабочее положение. Узенькая белая полоска бумаги отпечатывает точки и тире, извиваясь, набегает на стол и укладывается колечками. Теперь Петя не заминаясь, как было в начале учебы, а принимает «в след». Он читает: «Совета Народных Комиссаров».

30 октября скобка 12 ноября скобка 1917 г.

Всем. Всем. Петя быстро записывает. Делается больше. Из нее он узнает, что новая, Советская власть приняла декрет о немедленной передаче все помещичьей земли в руки крестьянских комитетов и директоров и мер. 3 копейки дешевле: «Председатель Советского правительства Владимир Ульянов скобка Ленин скобка».

Передача окончена. Станция подкладывает прием. Отсутствует и Петя: «Пост — принимал. Кто-то с линии запрашивает: «В скольких экземплярах разносить депешу?» Разножкой больше, раздавай, читай солдатам, рабочим, крестьянам, — поступает ответ.

В Петюнькиной памяти оживает отец с листовкой в руке, семнадцатые старши и шахтеры с листовкой, хвалями листовку... Но леннская депеша — это уже не листовка, а закон. «Федор Васильевич говорит: «Не лезь в политику», — размышляет Петя. — Я и не лезу, а все-таки кому этой депешей надо сделать. Сбегать в Семёновку, отдать старикам и на рудник — шахтерам. Отец меня за это похвалил бы...»

Один экземпляр он кладет в карман — покажет маме. Снова раздаются позывные. Станция запрашивает путь воинскому интерному поезду. Петя не уполномочен решать такие дела. Он знает: Федор Васильевич, выйдя, подкладывает ему а поезд и о депеше, потом идет домой обедать.

Окруженный братьями и сестрами, Петя распрямляется за столом: рожет хлеб и раздает по ломту каждому. На столе белая глинная миска, до краев на-

Петьке Янцову пятнадцатых лет, а он уже помощник телеграфиста. Правда, не штатный. Но через год обязательно зачислит а штат, и тогда Петя будет получать жалованья. Так говорит Федор Васильевич, начальник железнодорожного поста, обучающий Петку.

Мать Петки, сторожиха переезда, многодетная вдова (у Петки три сестры и два брата, малых меньше), а в благодарность за обучение сына полагает жене начальникова по хозяйству: стирает белье, моет полы, чистит коровник. Благо, ее рядом: переваз будка, колодец а каком-нибудь ста метрах от поста. Вертится она, конечно, как белка в колесе, но все успевает. Нельзя иначе, ведь Федор Васильевич, дай ему бог здоровья, ее обнадеживает: — Выведу Петку а люди. Окончи он пять классов — достаточно. Главное теперь — изучить устав железной дороги, правила технической эксплуатации, правила сигнализации. Сдаст экзамен на де-

полненная дымящейся полейбой — на всех. Протис каждого — круглая деревянная ложка. Петя на усмешку младшего братишку к себе на колени и командует:

— Начинай!

Повторять команду не приходится, все дружно работают ложками.

Матери, как всегда, поест нечего. Примостившись на лавке поближе к окну, она чинит какую-то одежку и, тяжело вздыхая, говорит:

— Была бы эта даша от Ленина раньше, глядишь, и войны не было бы и наш отец живым остался бы.

— Раньше ему нельзя было, — разжигает Петя. — Царь стоял у власти, потом Керенский и те жандармы, кто папу забрала, — все они против Ленина.

— Господи, пошли ему добро здоровья! — вздыхает мать.

Сотрапса будучи, подходит поезд. Мать опомнито неидет к двери, захватив с лавки платок и флажки. Петя снимает с колена братишку, сажает на свое место и, быстро одевшись, идет вслед за матерью.

Поезд замедляет ход. Это пилотный. На платформах пушки, зеленые зарядные ящики, на тормовых площадках часовые с винтовками. У открытых дверей теплушек, саване ночи, сидят солдаты, за ними, в теплушках же, кое-где видны лошади. В середине состава два штабных вагона. Паровоз идет три гудка, полковник на телеграфирбу бьет: длинный, короткий, длинный — и останавливается: путь закрыт, соседняя станция не принимает. Из вагонов выскакивают солдаты с брезентовыми надрами в руках, бегут к колодезь — достать воды, напоить лошадей, некоторые — голые до пояса — умыться.

От вагонов до штабных поездов идет откос — сходят солдаты. Крики, свист, ругань, конхон. Солдаты забегают на пост, во двор будки. От пассажирского вагона к поезду быстро идет офицер, помахивая стеклом.

Петя, мать и четверо солдат заходят в будку. Солдаты просят вареной картошечки в обмен на сахар, соль.

— А хочешь, мешок овса принесть, — предлагает один.

— Да что вы, родимые! Картошка у меня не кулешная, кушайте на здоровье! — говорит мать и ставит на стол большой чурток картошки и мундирки. От чурток пар в потолок.

Всего переговариваясь, солдаты усаживаются за стол. Подходит еще и еще. Кто-то уже принес сахар, хлеба и оделил пряников, забравшихся на печь.

Мать стоит у печки, подперев щеку ладонью, и смотрит на солдат. В глазах у нее слезы. Петя рядом с ней.

Что, хозяйка, ой тяжело живется! — спрашивает солдат.

— Тяжко, сынок, ой как тяжело, — вздыхает мать. — Вы-то ведь домой едете, а мой там остался. У меня ведь их шестеро! — Она показывает на печь и плачет, сморкнувшись в передник.

— Не он первый, не он последний, — равнодушно говорит другой солдат. — Мы тоже не домой.

Его сосед, обглаголив картошечку, чинит:

— Приедем — разберемся, мы им покажем восмичисловый Рабо-

чий день! Четвертый год в окопах гнием, выживая, корим. Ни снаряд, ни патрона, а они — бастоват!

— Молчи, дура! — возмущается высокий горбоносый артиллерист, похожий на цыгана. — Разве рабочую войну затеяли!

— Нехай не рабоче! А кабы они не бастовали, давно бы кайзеру гузно уломом завязали — и войне конец.

— И оплет нам к разбитому корыту! — не уступает горбоносый. — Пройдет время, опять господа войну затеют. Мы с тобой попоколем, так они детей наших под картечь пошлют. Вот его! — Солдат показывает на Петю.

За столом разгорается спор. В будке уже негде повернуться, так она набита солдатами. И все говорит, говорят...

— Охоскошничать, — вздыхает пожилой бородатый солдат, прислонившись спинкой к теплой печке и свертывая цигарку.

— Куда же едет! — шепотом спрашивает мать.

— В Питер, на усмиренье.

— Кого усмирять?

— Забастовщиков...

— Это каких же таких?

— Чума их знает! — Эх, кончили бы войну, прибавили бы мужику землишки, какая бы жизнь была!.

— Мам, покажи им дешую от Ленина! — спрашивает Петя.

— Покони, сынок, покажи.

Петя протягивает к столу и сует дешую горбоносому:

— Дядя, прочитайте.

Тот, увлеченный спором, не замечая Петки и даже легконого отстраняет его от стола. Чай-то густой бас глушит остальных голоса:

— Прочитай, тебе говорят.

— Что читать? — оглаживает солдат и берет у Петки листки бумаги.

Пробжась глазами первые строки, подлился, он хваляет Петку за пичку.

— Где взял?

— Принял по телеграфу.

— Кто? Когда?

Петкин ответ тонет в гуле голосов:

— Читай! Что за бумага? Читай громче! Тихо, дьявол!

Горбоносый читает:

«Всем. Всем.

Всесоюзный съезд Советов выдвинул новое Советское правительство. Правительство Керенского низвергнуто и арестовано. Керенский сбегал. Все учреждение в руках Советского правительства. 29 октября началось восстание юнкеров, освобожденных на честное слово 25 октября. Восстание в тот же день подавлено.

Керенский и Савинков с конерями и частью казаксов пробрались обманным путем до Царского Села. Советское правительство мобилизовало силы для подавления нового контрреволюционного похода на Петроград. Вызван флот к столице с броненосцами «Республика» во главе. Юнкеры и казаки Керенского колыблются. К нам прибывают пленные из лагеря Керенского с заверением в том, что казаки обмануты и, если поймут, в чем дело, не будут стрелять.

Советское правительство принимает все меры и тому, чтобы предупредить кровопролитие...»

Чет, останавливаясь, не разбирая слова. Слишком, как жужжит и бьется о стекло окнившая в тепле чуха. На нем завязались ребята, не поделив сахара.

— Цыцте там... Я вас! — кричит на них бородач.

Снаружи к окнам прильнули солдаты, за стенами будки глухой гул голосов: там целая толпа. Петя помогает разобрать слово, и горбоносый продолжает читать:

«...Если избегнуть кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское правительство не остановится перед беспощадными мерами подавления нового керенско-контрреволюционного похода.

Сообщаем для сведения, что съездом Советов, который разыскался уже, приняты два важных

декрета: 1) о немедленном переходе всех помещичьих земель в руки крестьянских комитетов и 2) о продолжении демократического мира.

Председатель Советского правительства.

Владимир Ульянов (Ленин).

— Вот она, правда-то! — обрывает тишину чей-то возглас.

Все смешалось в шуме и гомоне.

— Товарищи! — старается перекричать всех горбоносый, проталкиваясь к двери. — Силкий вышел на митинг!

Вскоре горнист шлепона забивается на штабель старых шпал у колодезь, вскидывая голову, играет «сбор». А в это время в конторе поста офицер без Федора Васильевича, цедя сквозь зубы:

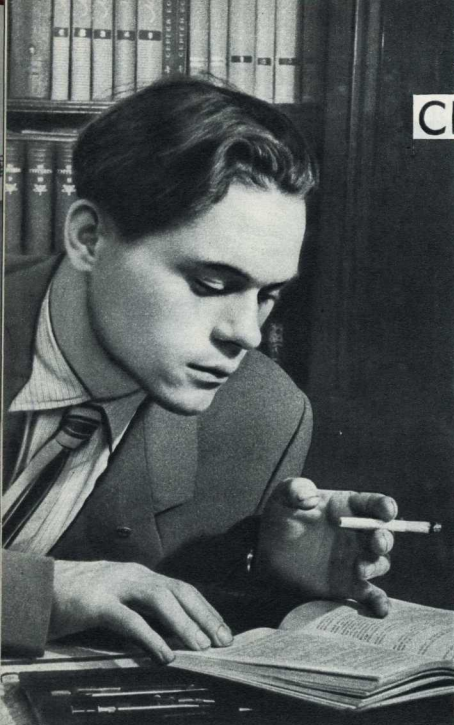
— Мерзавец! — выдал солдате большенную прокламацию!

Федор Васильевич, сдувая с губ кровавые пули, только мотает головой. Бросив изломанный стек, офицер с яростью вызывает на кобыры пистолет. Но тут возвращается дверь — на пороге горбоносый, за ним Петя и двое солдат. Офицера обезоруживают.

Полчас спустя Петя, окруженный солдатами, сидит у аппарата и под диктовку горбоносого отстукивает: «Петроград, товарищу Ленину. Солдаты артиллерийского литерного шлепона постановили приветствовать Советскую власть и товарища Ленина. Контрреволюционные офицеры арестованы. Едем на подмогу.

А еще через несколько минут Петя, подпрыгивая, открывает самодур, надевает красную фуражку и, захватив флажки, выходит на крыльцо. Маширист дает сигнал отправления — продолжительный гудок. Поезд трогается. С площадки пассажирского вагона Петя машет рукой горбоносому солдату. В ответ Петя поднимает над головой красную фуражку.

г. Тула.

Немало времени Петр Сафонов проводит за книгами: ведь каждый день в технике появляется столько нового!

СЕКРЕТ И УСПЕХ

зная что ни на есть обычной: ремесленно утилитар, завод, армия, снова завод...

Что касается моих первых шагов на производстве, то лучше об этом и не вспоминать. Было нам, чернорабочим, ремесленникам, по шестнадцать лет, и неустойчивость наших характеров, в ту пору только еще формировавшихся, нередко проявлялась столь своеобразно и резко, что дело часто доходило до крупных разговоров и с мастерами и даже с начальником цеха. Нам, юным слесарям, ничего не стоило, например, вооружиться самодельными шпателями и затеять в цехе настоящее сражение или, ухватившись за крюк крана, проехаться вдоль пролета... Конечно, такие проделки не проходили безнаказанно. В конце концов с помощью комсомольской организации и начальства формирование наших характеров было успешно завершено. Но, тем не менее, и в последующие годы, прямо скажу, никаких особых трудовых подвигов я не совершал, ничего не изобрел, в числе инициаторов новых начинаний не значился...

Вот если бы воспоминать армейские будни, можно было бы рассказать о многом. А завод...

В общем, корреспонденту моему не повезло. Исполнил он в своем блокноте ровно три странички, но то, что он записал (какие биографические данные да несколько сухих цифр), едва ли представляло существенный интерес. Настоящей беседы не получилось.

После этой беседы прошло несколько дней. С корреспондентом мы больше не встречались, и все время у меня было такое ощущение, точно я в чью-то виллозат, словно я умолчал о главном, не раскрыл какого-то секрета.

Я уже рассказал обо всем этом Виктору Митрошину, старгальщику из нашего же цеха, мо-

ему учителю, у которого я когда-то перенимал лучшие приемы работы.

— Ты-то при чем? — выслушав меня, усмехнулся Митрошин. — Да будь я писателем, я бы о тебе, дорогой Петя, целый роман в двух частях написал, как светлой голове и парадозом человеке...

— Брось, — махнул я рукой, — с тобой серьезно говорить.

— И я тебе скажу, — сказал Митрошин. — Взять хотя бы минувший год. Чем он примечателен для тебя? Давай вспомним... Кто стал одним из лучших строгальщиков цеха? Сафонов. Кого избрал в заводской комитет ВЛКСМ? Петю Сафонов. Кто выполнил две годовые нормы за двенадцать месяцев? Петр Михайлович Сафонов. Две нормы! Чувствуешь? Это же подвиг! У нас, брат, на заводе пока еще немногие могут похвалиться такими успехами. Вот об этом и надо было рассказать корреспонденту.

Я помню вчерашнее, верно, мне удалось выполнить две годовые нормы, но что в этом исключительного?

И если уж говорить о моих успехах, то секрет их прост: стремился я работать так, как можно лучше — вот и все. Два года назад, вернувшись из армии на завод, я стал работать на строгальном станке. Мне не хотелось растгивать время, ученический, поэтому я и то дело обращался за советами и помощью к старшим, более опытным товарищам, может быть, даже надевался на него или своим вопросам, особенно Виктору Митрошину. Он был староглазобателен, не раз устраивал мне настоящие экзамены, проверяя качество работы, но опытом своим делился с завидной щедростью. Кроме того, закончил я курсы техникума и повышения квалификации — словом, даром время не терял.

А позже, когда мне присвоили четвертый, пятый, затем и шестой разряд, не хотелось отставать от товарищей. И вот тут-то стремление трудиться как можно лучше да сделать побольше вылилось в совершенно конкретные формы...

На любом предприятии имеются немалые возможности повышения производительности труда: важное значение имеют и уплотнение рабочего времени, то есть полезное использование каждой минуты, и трудовая дисциплина, и даже чистота вокруг станка, который ты обслужи- ваешь... Но есть у нас, у рабочих, один громадный резерв: улучшение технологии. Мне лично это самое улучшение технологии и помогло выполнить двухлетнее задание за год. И я твердо убежден, что резерв этот неисчерпаем: в газетах нетнет, да и встретишь имя рабочего, который выполнил три, а то и четыре годовые нормы!

Что же это значит — улучшение технологии? А вот что. Получая и допуская задание, обрабатывать детали, смотрю в техно-

Фото Г. Дубинского.

Петр Сафонов получил ответственное задание. Прежде, чем приступить к обработке детали, он решил посоветоваться с конструктором завода Владимиром Нагайцевым: нельзя ли упростить технологию?

Недели три назад, в самом конце смены, подошел ко мне высокий черноглазый парень моего примерно возраста, лет двадцати пяти, и осведомился:

— Товарищ Сафонов?
— Так точно, — кивнул я головой.

— Я из газет... Хочу побеседовать с вами.

Признаюсь, мне никогда не приходилось беседовать с корреспондентами. Поэтому, встретившись в ускоренном времени с журналистом, я чувствовал себя куда более скованно, чем даже в первые дни работы у станка. Правда, я старался как можно полнее отвечать на вопросы корреспондента. Но, довольно смутно представляя себе, что от меня требуется, я, видимо, говорил не о самом главном, во всяком случае, не о том, что могло бы заинтересовать собеседника...

Да и о нем, собственно, было рассказывать? Биография у меня

логическую карту, где указано, в частности, сколько надо сделать пропусков, чтобы выбрать, ну, овалом, паз. И тут-то рабочий оказывается куда смелее технологов и нормировщиков, которые составляли карту... Хорошо «чувствуя», как говорится, материал и не опасаясь поэтому, что деталь покоробится от напряжения, я изменяю подачу суппорта и за один пропуск снимаю не миллиметр, как указано в карте, а два... Вот это и есть улучшение технологии, небольшое, но улучшение, которое приводит к экономии минут и часов. А ведь время — главное в борьбе за скоростные методы труда!

Бывало и такое. Однажды я должен был делать направляющие пазы в колонке для карусельно-шиповального станка. По технологической карте такие пазы обычно протругивались специальной машинкой, которая крепилась к суппорту вместо резца. Не говоря об опасности отрыва суппорта при холостом ходе, сама обработка детали была очень сложной, трудоемкой, а время на все операции затягивалось до тринадцати часов. Ясно, что ни то, ни другое меня не радовало. Стал я думать: нельзя ли избавиться от этой машинки? Наконец кое-что придумав, пошел и старшему мастеру. Коротко изложил свои соображения относительно неудобств старой технологии, я спросил:

— А что, если заменить машинку резцом?

— Да как же ты, голова, подберешься резцом к основанию колонки! — усмехнувшись, проговорил старший мастер.

— Поставлю особый резец — крючковый... А?

Отвернувшись в сторону, мастер долго молчал, нахмурился брови и поджал губы. Трудно было угадать, о чем думал он в эти минуты. Мне почему-то казалось, что он прикидывал в уме, какие выгоды принесло бы такое изменение технологии. Однако размышления мастера затнулось настолько, что я не выдержал и напомнил:

— Попробуем!

Он посмотрел на меня несколько удивленно, потом похлопал по плечу и, усмехнувшись, сказал:

— Работай машинкой. Не мудри. Но я все-таки не успокоился: достал у ребят подходящий крючковый резец, приспособил его и закрепил в суппорте вместо машинки. Как я и предполагал, результат получился хороший. Время обработки колонки сократилось почти вдвое!..

Вот такие мелочи и приносят нам, рабочим, успех... Но что же знал, что именно об этом и надо было рассказать корреспонденту, который приходил ко мне накануне Нового года!

ПЕТР САФОНОВ,
строгальщик Московского завода
шиповальных станков.

Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина) — одно из старейших высших учебных заведений страны. В его стенах ведется большая научно-исследовательская работа. На снимке: студентка пятого курса вечернего отделения Галина Рысва и дипломант Михаил Самовос монтируют под руководством научного сотрудника Ю. А. Петрова (слева) импульсный генератор, предназначенный для испытания высоковольтной аппаратуры.

Фото В. Уткина.

«Наша земля!»

Фотоотпод М. Муразова.

ШЕСТЬСОТ СМЕЛЫХ, СИЛЬНЫХ, ЛОВКИХ

Фотоочерк

В. Романова и В. Зорина.

Каждый день, когда кончается смена, сотни молодых рабочих и служащих московского ордена Трудового Красного Знамени завода «Каучук» спешат на катки, лыжные станции, стадионы.

Более шестистот юношей и девушек с увлечением занимаются в различных секциях: легкой, конькобежной, хоккейной, волейбольной, стрелковой, легкой атлетики, бокса. Многие из них имеют спортивные разряды. «Первой перчаткой» называют на «Каучуке» молодого спортсмена Анатолия Корнеева. Из сорока двух проведенных им боев он выиграл тридцать семь!

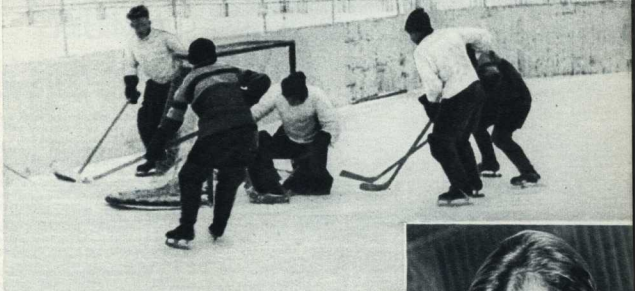
— Я глубоко убежден, что еще в этом сезоне году спешный первоурзрядник Анатолий Корнеев станет мастером спорта, — говорит тренер секции боксеров Евгений Гераскин.

Кстати, знания мастера спорта уже давно удостоился инженер Николай Головин, неоднократный чемпион по академической гребле.

Немало молодых людей имеют разряды по нескольким видам спорта. Электромонтер Константин Хромов является, например, разрядником по стрельбе и конькам, а слесарь Николай Гришков — по альпинизму, хоккею, футболу и боксу.

Сейчас в связи с зимней спартакиадой развернулись состязания между цеховыми командами конькобежцев, лыжников, хоккеистов. Не забыты и такие «летние» виды спорта, как волейбол, гребля, альпинизм.

Каждый вечер в заводском Доме культуры проводится занятия секций под наблюдением опытных тренеров, выросших в спортивном коллективе «Каучука». Альпинизму обучает молодого слесаря Николая Гришкова, на счету у которого несколько трудных горных походов и восхождений. Охотно передает свой опыт новичкам и прессовщик Алексей Чуков, известный на «Каучуке» как лучший стайер. В свободное от работы время он готовит молодых легкоатлетов к состязаниям, которые разгорятся летом на беговых дорожках стадионов. В этой секции больших успехов добилась восемнадцатилетняя спортсменка клейдишница Галина Журнина. Она получила второй разряд по бегу на короткие дистанции.

Хоккеисты «Каучука» — опасные соперники для любой заводской команды. На снимке: момент товарищеской встречи команд «Каучука» и комбината имени А. И. Минина.

...За высокими окнами спортивного зала Дома культуры искрится январский снег, а здесь, под стеклянной крышей, юноши и девушки играют в волейбол, члифуют мускулы гребцам, совершенствуют свое мастерство акробаты, гимнасты, боксеры.

Завтра, в день воскресного отдыха, заводской автобус доставит в Опалуху большую группу любителей зимнего спорта. В этом живописном уголке Подмосковья померкнут силы соревнующихся между собой цеховые команды лыжников, а на городских стадионах будут тренироваться заводские хоккеисты и конькобежцы; вечером встретятся в спортивном зале волейбольные команды.

В каждом цехе завода есть настоящие энтузиасты спорта. Жаль только, что их так мало в заводском комитете комсомола. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в многочисленном отряде физкультурников «Каучука» «представляет» лишь один-единственный член комитета — техник Вика Булда, увлекающаяся волейболом и имеющая третий спортивный разряд. А ведь если бы спортом повседневно интересовались секретарь Валентин Котов и остальные члены комитета ВЛКСМ, в рядах заводских спортсменов было бы еще больше молодежи. Комсомольские вожаки должны быть запевалами, душой этого живого, нужного дела.

Анатолия Корнеева называют на заводе «первой перчаткой»...

На лыжной прогулке.

КОГДА СБЫВАЕТСЯ МЕЧТА

Ну, что же, еще по одной, по старческой...
— Говори, обращаешь к друзьям, коренастый парень с карими грустными глазами.
— Может, хватит тебе, Володя? — попробовала вмешаться мать.

— Все рано нехорошо! — И Владимир с лихостью бывало-го солдата одним глотком осушил большую рюмку. — Что у меня, везли?

Сидящие вокруг стола заговорили все сразу:
— Брось ты хандрить! Не пещишь нас!

Было это в канун последнего учебного года. В гости у Владимира Шишрова собрались немногие оставшиеся в Москве его друзья-однокурсники. Говорили все больше о войне, о фронте. Сам Шишров после мучительных операций, перенесенных в госпитале, вернулся домой на костылях. Его недавно еще совсем мальчишеское лицо было изрезано жесткими морщинами. Над бутылками дом торчали упрямые клоки ранней седины.

Душевное состояние молодого человека трудно было понять. Один из друзей Владимира сейчас краснел, давая заведомо другие кончики институту или уже работали. А что оставалось делать ему, инвалиду Отечественной войны? На фронт он ушел добровольцем, не успев окончить десятилетку, не получив аттестата зрелости.

После демобилизации попробовал было заниматься на подготовительных курсах в вуз, да только недолго там продержался. Нашел три года от школьных парт, от учебников. Ослабевший после ранения, он нередко засыпал над книгами. А однажды преподаватель математики не постеснялся сказать ему: «Имеет вид, будто молодой человек, за боевые заслуги в вуз не принимаю, эрудация же у вас сильно хороша...» Тогда бывший сержант Шишров стараясь козырнуть математиком сопливой эрудацией в области ругательства и, хромая, вышел из аудитории.

В детские годы Владимир Шишров вместе со своим другом Владимиром Колдой, начитавшись научно-фантастических романов, твердо решил стать учеными-атомщиками. Особенно увлекся этой мечтой Колда. Вдумчивый, интеллектуальный, с большой душой и высокой добротой, Колда действительно был создан для науки, для открытий. Ребята верили в близость атомного века. Они читали подряд все статьи и брошюры, посвященные проблеме атомной физики, и в мечтах уже видели себя повелителями могучей энергии. Другие школьники после уроков шли на каток или в кино, а Шишров с Колдой топтали на занятиях физического оружия, на лекциях в МГУ или в Планетарий.

Так же, как и Шишров, комсомолец Колда в самом начале войны ушел добровольцем в армию. Он погиб под Ленинградом. Шишров вернулся с фронта инвалидом. И хотя он называл себя в душе «неудачкой», ни на что не годным человеком, все же не мог успокоиться, не мог смириться со своим положением. И вот снова, как в былые школьные годы, комната юноши наполнялась инструментами, про-

водами, магнитами, пробирками. Тут шла работа над созданием своеобразного «комбайна», который должен был объединить в себе и больше, и меньше, как радиоприемник, магнитофон, радио и телевизор. К цинетичным горшкам, стоявшим на подоконнике, были прикреплены электрические катушки, а между ними тянулись стебельки гладко-лузусов.

— Я обнаружил, что магнитное поле заставляет стебелек гладко-лузуса расти быстрее, — рассказывал как-то друзьям Владимир Шишров. — Значит, думаю я, можно путем усиления силы тока в проводах влиять на скорость роста цветка... Но побывав на консультации, и выяснилось, что дело тут вовсе не в воздействии магнитного поля, а просто в повышении температуры от нагрева обмотки катушки. — С грустной улыбкой он добавил: — Видно, в наши дни с незаконченным образованием можно изобрести только велосипед или самовар...

Долго в ту новгородную ночь да и после дуэра убеждали Шишрова, что он не имеет права отказываться от своей мечты. Живущие по соседству Алексей Хомяков и Анатолий Афанасьев прощали покаяние не давали. Хомяков тоже вернулся с фронта раненым и теперь учился в артиллерийском институте. Афанасьев был, как говорят, без пяти минут инженером. Они оказались хорошими, настоящими друзьями; встречались с Владимиром, не хаялись своими успехами и не тащили выпить в ресторанчик, а

настойчиво уговаривали подготовиться и сдать экзамен за десятилетку.

— И друзья, как четыре года назад, сидели за школьные учебники.

Старая учительница физики Зинаида Васильевна Киселева, встретив как-то Владимира на улице, долго расспрашивала его, где он воевал, какие получил награды, чем думает заниматься. А потом сказала:

— Приходите, Володя, в школу, не стесняйтесь. Помогите забыть. Я в вас очень верю.

А однажды пригласила Шишрова в Сокольницкий райком комсомола. Выслушав рассказ о инвалидности войны, секретарь посветовал:

— Перечитай-ка, брат, Островского. Это тебе полезно будет. А если какая помощь понадобится, — приходи в любое время.

Стогда ранняя весна с резким ветром и гололедами. Возвращаясь из райкома домой, Шишров поскользнулся и чуть было не выронил костыли. Но тут, словно из-под земли, выросли рядом два крепких парня, поддержали его и помогли дойти до дома.

С того вечера Владимир не покидало ощущение, будто охраняют его какие-то невидимые руки, готовые в трудную минуту подхватить, поддержать, не дать опуститься. И от этого как-то оттаивало сердце, хотелось работать, стать полезным для людей...

Говорят, человек без мечты, что птица без крыльев. Каждому

обязательно нужна в жизни затейная мечта, большая и светлая цель. В стране нашей очень много крылатых людей, и перед ними большой простор для полета. В один из последних майских денюхов поехал Шишров погулять в парк Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Он уже ходил не на костылях, а просто с палкой.

Устав, Володя устроился отдохнуть на старой скамейке. К нему подсел высокий седой человек с открытым лицом и веселыми глазами. Они разговорились.

Профессор кафедры Николая Васильевича Вильяма очень заинтересовали самостоятельные поиски Шишрова.
— Вам обязательно надо учиться дальше! — горячо говорил он. — Постыйте, дорогой, к нам на факультет защиты растений. Кстати, сегодня в академии «день открытых дверей». Идемте-ка, я вам покажу наши лаборатории... И начал рассказывать о существовании мечты Шишрова. Он словно приучился часами сидеть над книгой. В течение лета Владимир сдал экзамены за десятилетку и поступил в сельскохозяйственную академию.

Но путь в науку подобен альтистскому восхождению. После каждой с огромным трудом взятых высоты открываются глазам еще более недоступные вершины, которые тоже нужно преодолевать. На младших курсах Шишрова увлекла идея: найти способ для автоматической очистки семян сельскохозяйственных культур от сорняков. Вельзамов колдовским зловещим крошотопом перебарывая джунгли, сотки тонн зерна и все-таки высеивают весной вместе с культурными растениями немало сорняков.

Если бы можно было отделить сорняки какими-нибудь мощным магнитом! — мечтал студент.

Магнит... Электричество... Электромагнитное поле... Шишров чувствовал, что ходит где-то рядом с собой. В свой вопрос он не искал, во решения не находил... Конечно, лечебного все было отказывать от поисков, внушить себе, что наука пока еще бессильна.

Но в минуты сомнения он всегда вспоминал, как, раненный в ногу, лежал в госпитале на небольшой прифронтовой станции. С чисто немецкой аккуратностью через каждые два часа противник подвергал станцию ожесточенной бомбежке. Шишров не успевал вовремя сделать перевязку, и началась газовая гангрена. Хирург сказал, что придется ампутировать обе ноги. Но раненый оказался упрямим человеком: он не подпустил врачей и сам промывал рану спиртом. Поразительный самолюбие молодого солдата, начальник госпиталя решил пойти на риск. Это было мучительной ампутацией, но Шишров перенес все...

Ответ на задачу пришел внезапно и оказался простым. В самом деле, для очистки зерна нужно использовать мощный электромагнит.

А чтобы семена и сорняки реагировали на магнитное поле, их необходимо смешать с металлическим людом.

В течение нескольких дней, работая с огромным воодушевлением, Шишров сконструировал первую модель машины, сорти-

Анатолий ЗАЯЦ

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Вблизи полотняных палаток
Пылает солдатский костер.
О чем-то хоромом

Солдаты
Негромко ведут разговор.

...Пляску неотрывно на плямя,
И комкает: ты из огня
В упор
Голубыми глазами
С улыбочкой глядишь на меня.

Над лесом... веперние звезды
И синий июньский покой.
Нет, я не тоскую,
Мне просто
Быть хосае рядом с тобой.

Чтоб где-то вблизи радиона
Играла любимая наш вальс
Про верных друзей
...и про школу,
Про то, что так близко нас,

Чтоб травы неслишью шумели
И где-то у клуба, адали,
Гармошки трехразрядные пели
И зори за речкой чекли.

Но гаснут последние искры.
Мы в путь выступаем сейчас.

И взгляд твой,
Открытый и чистый,
В сиреневой дымке угас.

...Но в том заключается счастье
И радость, конечно, не в том,
Чтоб видеть любимую часто,
Твердя ей о чувствах своем.

Солдатское счастье наших ми
И радость вседневную в том,
Что молодость наших
...любимых
От бед грозových бережем.

Что светлое счастье народа,
Любимую Родину-мать,
Доблеть и честь ее сабоду
Нам выпала честь охранять.

...Потули веселые искры,
Последние искры твои,
Играет труба сигнальная —
Солдатам в дорогу пора.

рующей семена сельскохозяйственных культур. При испытании выяснилось, что семена сорняков, обычно имеющие шероховатую и влажную поверхность, прилипают к железным опилкам и легко отделяются от культурных семян. Модель машины получила высокую оценку ученого совета академии.

На третьем курсе в жизни студента Шишова произошла перемена. Он стал собранным, строже, молчаливее. Это заметили многие. Но причина не была ничто. Его невеста, студентка академии Рая Реникова, обратила внимание, что иногда он слишком торопился проводить ее до дома и потом вместе с ней уходил. Она даже стала немилосердно ревновать. А дело, оказывается, было в том, что при академии организовалась новая, специальная биофизическая лаборатория, изданный авторский патент растений с помощью радиоактивных изотопов. Под руководством академика В. М. Ключевского Шишов работал над проблемой использования энергии атомных частей в борьбе с вирусными заболеваниями растений.

Как известно, живая ткань растения в основном состоит из белка. Вирус — это тоже белок, и он нуждается в тех же продуктах питания: в азоте, фосфоре и тому подобном. А нельзя ли разрушить вирус путем введения в него радиоактивного фосфора? В этом состояла научная гипотеза Шишова. Многочисленные опыты полностью подтвердили предположения. Так впервые в мире была обнаружена способность направленного действия растений с помощью радиоактивных веществ. Вскоре новым методом, разработанный биофизической лабораторией, начал находить себе практическое применение в тепличных хозяйствах страны.

В 1953 году молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию.

На Всесоюзной промышленной выставке, в павильоне «Атомная энергия в мирных целях», есть отдел, отражающий достижения советских ученых-атомиков в области биологии и сельского хозяйства. Молодой человек с серебряными прядями, вооружившись указкой, рассказывает посетителям о сущности метода «меченых атомов», о борьбе с сельскохозяйственными вредителями и болезнями растений при помощи радиоактивных изотопов, о радиоактивном облучении, дающем возможность надолго уберечь от порчи продукты питания. Старший научный сотрудник Академии наук СССР Владимир Шишов подводит собравшихся к стенду, где на чертёжах изображены разрезанные и сложенные прозрачными растениями.

— Академик Приянишников учит, — говорит он, — что в работе с растениями мы должны спрашивать мнение их самих. Теперь мы научились делать это. Метод «меченых атомов» позволяет нам раскрыть и увидеть зеленую лабораторию растительного мира.

Ученый показывает новейшие отечественные аппараты, позволяющие обнаруживать заряженные частицы в стеблях растений, в почве, в воздухе.

Атомная наука должна служить на пользу человечеству, а не во вред ему, — говорит Владимир Шишов.

КРАСАВИНСКИЕ УМЕЛЬЦЫ

Фото Н. Шиялова.

Неподалеку от Великого Устюга на левобережье Северной Двины, в давнее-давнее времена выросло небольшое село. И, может быть, потому, что лежало во круг живописные поля и луга да стояли рядом несравненной красоты сосновые рощи, село получило поэтическое название: Красавино. Как и большинство вологодских крестьян, красавинцы возделывали лен, ткали холсты. Но вот появились здесь предпринимческие дельцы. Прельстившись возможностью легкой наживы, они основали в селе льняную фабрику. И поплыли из Красавина к великоустюжскому купцам изделия из «северного шелка» — льняного полотна... Шли годы, хозяева богатели, получая невиданные бабки, а трудовой люд прозябал в нужде да бедности...

Так было до Октября. А когда пришла Советская власть, неузнаваемо изменилась жизнь красавинских текстильщиков, свободный и радостный стал их труд. Небольшая когда-то «мануфактура» превратилась в огромный льнокомбинат. Появились корпуса прядильной фабрики, литейного и модельного цехов, механических мастерских, электростанции. На месте опустошенных станков установили совершенные машины. Рядом с комбинатом вырос большой рабочий поселок с прямыми, широкими улицами, добротными домами, школами, детскими садами, клубами, кинотеатрами, парками. Родился новый город текстильщиков — Красавино.

Льнокомбинат выпускает изумительные по отливке скатерти, полотенца, покрывала и другие изделия, столь необходимые в нашей быту. Сколько изобретательности и творческой смелости проявляют красавинские умельцы! Следуя традициям народного искусства, они украшают предметы повседневными орнаментами и узорами, разнообразными и выразительными рисунками, широко используют в художественных композици-

В художественной мастерской создаются образцы рисунков для тканей.

их мотивы и образы родной природы, сказок, былинного эпоса.

Коллектив красавинских текстильщиков гордится трудовыми успехами молодых прядильщиц, ткачих, шикоткальщиц, аккурниц, початчиц... Четырнадцать комсомольско-молодежных бригад уже в октябре начали работать в счет 1958 года. За восемь месяцев выплели горой полотно комсомолки Галины Уварова. Каждый метр платка по полноты сверхлестовой полки володарь металлургия Аня Багряцова. Юноши и девушки перенимают опыт старших товарищей, совершенствуют свою квалификацию. Многие из них участвуют в школах рабочей молодежи, в вечернем текстильном техникуме, в заочных институтах.

К концу второго года шестой пятилетки коллектив комбината дал стране сверх плана сотни тысяч метров изделий из прекрасного «северного шелка».

Комсомолка Людмила Ванякова — одна из лучших ткачих Красавина, своего льнокомбината.

Ведущий художник Герман Прокотьевский с увеличенным рисунком Галины Красильниковой и Ульяны Шильниковой о тонкостях искусства отделки тканей.

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Рассказ

Смерть бойца для Николаева была, пожалуй, самым большим потрясением в жизни. Шел шестой месяц войны и первый год его службы на флоте, слышимой напряженной, чтобы Николаев мог проследить, как бойцам стал ему ближе всех... Притягивали в глубине узкого отсека, он вытирал слезы концом белой матросской рубашки и испытывала такое состояние, при котором хочешь совершить что-нибудь дерзкое, необдуманное, чтобы унять, разрядить боль.

Немного успокоившись, Николаев задумался над тем, как ответить на жизни эскадры смерть бойца. Вспомнились вдруг слова раешника, автором которого оказался бойцам: «Здравствуйте, дорогие братья-морские отличные, мои читатели привычные! Я дед Водной. Веса флот — мой дом родной. С виду суров, с длинной бородой, не толстый, не худой, живу под водой. Понимаю флотскую службу, крепко с моряками дружу, а Гитлера и его шабаш проклятой я враг заклятый...» Вспомнилось, как однажды смутился бойцам, которого Николаев застал за каким-то странным занятием: присев в одиночестве на матрасе, в синем лампочке, бойцам что писал на листочке бумагу. Уверенный, что его не видит, он по-детски шевелил толстыми губами и с таким выразительным искривлением глаза, своим ему удалось придумать что-то спастельное для всего мира... Тогда Николаев не догадывался, чем был занят бойцам. Теперь, после его смерти, Николаев со скорбью подумал, что замолчит и тот, не известный матросам «Дед Водной»... Замолчит, словно и не жил на свете Бояцкий Каложный, не держал на фото «Синий линкор». Теперь Николаев еще острее понял эту лживость: бойцам был всегда справедлив, скромен и непримирим ко всему показному. С каким затравленным лукавством слушал он, бывало, что говорили вокруг о «Водном», о его раешниках!

А в следующем номере газеты матросы находили свои же, ненароком оброненные мысли. За это матросы особенно любили «Деда Водного».

Николаев думал и никак не мог решить: рассказать ли товарищам о тайне бойца Каложного или промолчать!

Но вскоре решение созрело, и он принес редактору, как ни в чем не бывало, новую заметку, подписанную: «Дед Водной». Он сонно ее вместе с водолозом Прониным, долго, старательно. В этой заметке говорилось о матросах, которые уходили с подводной лодки в морскую пехоту. Николаев и Пронин, также временно покидая подводную лодку, решили писать в свою га-

зету с фронта от имени «Деда Водного», понавшего на сушу».

Редакция находилась на старом транспорте, служившем базой подводных лодок. Спустившись по просторному трапу в трюм, Николаев нашел кабинку доктора. Это был лейтенант, низенький, с виду хилый, с усталым и несколько рассеянным взглядом. Приняв от Николаева заметку, он удержался подписать:

— Бойцам воядь погуби!
— Так точно.
— Кто же автор этой заметки?
— «Дед Водной», товарищ лейтенант.

В царстве морском — да, а на земле, в своей части, как он именуются?

— На данный случай — товарищ Евгений Николаев.

— То есть вы?

— Так точно. Просим «Деда Водного» считать живыми.

— Но почему на данный случай? Ведь вы так сказали?

— Потому, товарищ лейтенант, что «Дед» ныне недогловачен, — тихо ответил Николаев. — И мы можем уби... Нет, давайте другую найдем, еще сговорились...

— Ну, что вы, почему обязательно уби...? — смущенно возразил лейтенант. Он углубился в чтение и, пробежав раешник, воскликнул: «Дорого получилось! Живет «Дед Водной»!

Николаев понял, что похвала лейтенанта относится не столько к тексту раешника, сколько к самому факту появления нового «Деда Водного».

А вскоре Николаев воевал уже на суше, под Талпином. Главстаршина Никита Думской, старший разведгруппы, в которую попал Николаев вместе с Прониным, заставлял подчиненных до седьмого пота ползать по-пластунски, неслышно влезать на вершины деревьев, скатываться в овраг «колобок». Однажды после тренировки он приказал: «Вперед!»
— Я воядь и сам плохо научен этому делу, по своей неловкости и о вояд сужу...

В разведку вышли на рассвете, когда заблестела воядь росистой лодкой тина и в солених засверблих дождь крыш дождя. Стояла жуткая тишина, не было слышно даже собачьего лая. Николаев вспоминал другой рубик, который занимали они неделю назад: там не махали перед глазами эти отпугивающие своей пустотой крестящиеся дома, рады землянок чем-то напоминали ларь. Потом в памяти встали первые месяцы морской службы, старшина, который как-то во время занятий в артиллерийском классе учебного отряда сказал Николаеву:

— Эх, ты, пехотан! Все заводишь у тебя пехотинские, и наводишь ты орудие, стараясь за

него спрятаться. А еще торпедистом захотел стать...

Задание у разведчиков было, казалось, очень простым: узнать, где укрепились немцы: в этом лесу, где их батареи.

Лес был разбит на участки шириной до двадцати километров, каждой группе разведчиков предстояло «прощесать» свой участок. Думской говорил, что глядеть надо из перед собой и под себя: могут быть западни с минами.

Простота этого задания была только кажущаяся: участок достался широкий, и чем дальше, тем лес становился гуще. Чтобы не заблудиться, вернуться в часть же дорогой, нужно было, кроме компаса, иметь еще и особую памятовальность. Разведчики шли без маскировочных халатов (еще не слезли их получить), в плащ-палатках, с автоматами, с ручным пулеметом, который несли по очереди: дигались цепочкой, в десяти шагах один от другого.

Лес тревожили и успокаивали. Успокоительным был мягкий настел листьев под ногами и потоки солнечных лучей над желтеющими лужайками. Тревогу вызывал хруст ветвей да шум ветра. Но поспешив Николаев оказался в состоянии мужественного внутреннего покоя, которое возникает чаще всего, когда надого оставшихся наедине с природой.

Этот состояние вызвало особую остроту зрения и слуха, легкость шага и какую-то невольную, необъяснимую радость движения...

Разведчики шли уже часа четыре. Впереди показались выруб-ки. Это насторожило старшину Думского, он подал знак остановиться, залечь, а сам, крадучись, пополз вперед. Рубить лес в этом месте вряд ли мог кто-нибудь из местных жителей: слишком далеко от дороги. Думской осторожно приближался к пиам, осмотрел один из них. Срез был совсем свежим. Следы от выруб-ки уходили куда-то вправо. Старшина пополз дальше и увидел за открытой ветвями небольшую, нескоро сколоченную сторожку. Он принял решение окружить ее, повернулся к товарищам, но тут же очутился в автомата ударила по нему сзади.

Старшина вскрикнул и упал на спину. Попытаться подняться, но снова рухнул на землю и затих. Лес медленно наполнился грохотом падающих.

Почти в тот же миг был ранен и Николаев. Он с трудом сдвигая несколько шагов, но почувствовала острую боль в ноге, прилег, быстро установив упреждает и начал стрелять в сторону еще невидимого врага. Остальные матросы застряли где-то позади. «Надо немедленно послать донесение своним!», — мелькнула у Николаева мысль, и он крикнул Пронину:

— Уходите скорее, отползайте и — бегом в часть!

Потом сбросил ботинок и стал обматывать плащ-палаткой раненую ногу. Поблудившее лицо его было таким решительным и спокойным, что Пронин едва отважился возразить:

— А ты как?
— Ну, что говорить попусту? Я буду прикрывать вас, отстреливаясь. Неужели не понятно тебе? И как бы устыдился своей начальнической резкости, вспомнил, что никто, собственно, не поручал ему командовать этими людьми, повторял уже другим тоном:

— Коля, слышишь, уходишь и... там не забудь о «Водном»...

Он долго не смел оглянуться, проверить, выполнено ли его требование, а когда обернулся, заметил возле себя чью-то автомат. Уходя, матросы оставили его Николаеву на случай, если пулемет сдест...

Путь били по дереву, расщепляя кору. Николаев хотел отползти, но в это время откуда-то сверху, с дерева на него кинулись два фашиста. Николаев увидел только их каски, рыжие лица, покосившиеся очень большими, почувствовал толстый удар по голове и потерял сознание.

...Деревя, в которой он пришел в себя, поразила его какой-то будничной тишиной. Огненным дурманом не было ни запаха, ни игрывала гармошка, скрипяла телега, слышался чьи-то голоса. Он лежал на матраце в углу пустой комнаты, в большой и странно тихой избе. Нога его была переувлажнена. Кто-то положил рядом с пофком костьлю. Кто-то заботился о нем... Хотелось писать, в сознании с немеркнущей ясностью вставало все происшедшее у лесной сторожки. Сколько времени прошло с тех пор, он не знал. Ему было приятно лежать с закрытыми глазами, хотелось проследить за самим собой, за тем, страшился ли он смерти, Николаев мог сказать себе, что во всем поступил правильно. Наверное, товарищи его теперь уже вернулись в часть и сообщили командования результаты разведки... Потом мысли Николаева перенеслись к дому, к Каложному, и он почувствовал, что слезы комком стоят в горле. Ему сделало обидно за себя, стыдно. Он приставил, прислушался, снова с удивлением поглядел на костьлю, как бы говоривший, что еще не все потеряно, можно вычлестись и жить.

Вскоре после для маленького усадебного гитлеровский солдат в очень чистом белом фаруке принес внемлю приличный обед. Николаев немного поел, тераясь в догадках, что с ним собираются делать дальше. Но раздумывать долго не пришлось. Солдат вывел его к

Рисунок А. Лурье.

легковой машине. Стоявший возле избы обер-лейтенант даже не взглянул на пленного. Он ругал какого-то господина Эберта. Николаев обернулся и увидел выстунившегося из окна соседнего дома нарядного толстяка, благодушно выслушивающего лейтенантскую ругань. Встретившись взглядом с Николаевым, толстяк о чем-то спросил лейтенанта, и офицер, рассмеявшись, сказал:

— Поймали «языка!». Кажется, так русские называют пленных?

Николаев понял, что его ждет. В машине, кроме шофера, с Николаевым ехал тот же устный солдат, вооруженный автоматом. Ехать пришлось всего несколько минут. Машина остановилась у небольшого каменного дома. Из открытых окон слышались все время голоса и лай собак. Николаев ввелся в прихожую.

— Ведите! — донесся чей-то значный голос. Обладатель его, видимо, хорошо говорил по-русски.

Солдат подтолкнул Николаева, и оба они вошли в круглый низкий зал. У запертого окна сидел рослый майор со знаками войск СС на рукаве. В чертах его самодовольного лица с выдвинувшим вперед подбородком было что-то такое, в чем угадывалась скрытая жестокость фа-

шистского головореза. Но майор отнюдь не хотел казаться жестоким. Отпусти солдата кивком головы, он внимательно посмотрел на пленного и как бы по-свойски спросил:

— Ну как, матрос, плохи дела, да? Ранен, я вижу. Ничего, еще хуже бывает. Сам-то откуда?

— С Волги! — процедила Николаев, негодую на себя за то, что начал говорить с фашистом в таком тоне.

— А тоннее? Волга велика.

— Из-под Куйбышева.

— Значит, из-под Самары, — поправил офицер. — А где работали?

— В Горьком.

— В Нижнем! — снова уточнил майор. — С какого корабля?

— С «Ефросини преподобной», — с издевкой ответил Николаев.

Но эсэсовец не возмущился и не переспросил. Он только пристально поглядел на матроса.

— Это что ж, канонерка такая?

— Да, канонерка.

— Ну, а как ты, матрос, думаешь, немного помедля, спросил майор, — что мы с тобой будем делать?

— Попадаю не прошу! — прохрипел Николаев.

— Попадай! А, собственно, за какие грехи? Ты еще ничего преступного не совершил... Воевал,

защищал отечество!.. Вот, если ты, брат, теперь провинившись в чем-нибудь перед нами, тогда можно будет думать о наказании или о пощаде! Набось, комиссары свернули вам мозги, толкуя, что мы звери... Не так ли?

Николаев молчал.

— Ну, что же, отвечаю... Не хочешь? Так я тебе скажу: в каждой войне противники стараются представить друг друга в самом неприглядном виде. Ненависть помогает воевать. Но в спокойной обстановке можно ведь обойтись без пропаганды и разговаривать по-человечески.

Эсэсовец уже почувствовал, что матроса голыми руками не возьмешь, но продолжал в том же духе:

— Не являлся наш с тобой разговор, ты, небось, ждал допроса, расспраша... Но казнить тебя не за что! Как же быть с тобой?

Николаев вспомнил слова лейтенанта: «Поймали «языка», — усмехнулся. Майор заметил его усмешку и в первый раз возвысил голос:

— Чего ты! Или уже отвык от человеческого языка? Отвечай же!

— Так точно, отвык.

Майор уже с раздражением смотрел на пленного.

— Кое-что тебе все же придет-

ся ответить, прежде чем мы отправим тебя в тыл... Так уж полагайся. А если скажешь больше, — сам откажешься сказать, тогда сам и приговор себе вынесешь, захочешь — к своим пойдешь, захочешь — у нас побудешь до конца войны. Конец ведь недалек, матрос...

— Ничего вы от меня не добьетесь! — неожиданно для себя крикнул Николаев.

— А если употребим меры!.. Если без пощады!

— Хоть жгите, ничего не скажу.

— А ну, довольно, слышишь?! — вскрипел майор. Лицо его от злобы сделалось серо-зеленым, и у него с отвратительной жесткостью он произнес: — Что ж, ты приговор сам себе вынес: «Хоть жгите!» Вот и сожжем!

Его сдерживало желание ударить пленного, майор закричал:

— Петер! Уведи арестованного! Тот же солдат вышел и повел Николаева к машине. На крыльце он остановился и прислушался к разговору за дверью. Майор отдавал приказание насчет пленного. Солдат канцелясно в смятении, услышав что-то испугавшее его самого, потом овладев собой, заржал:

— Иди вперед, санины!

И пока сопровождал Николаева в машину до той же избы, больше не произнес ни слова.

Николаев вновь лежал в большой пустой комнате и старался преодолеть охватившую его, как во время лихорадки, нерваную дрожь. Не было сил, и земля будто качалась под ним. Настерпелся ныла нога, отдаваясь болью во всем теле, но страха не было, хотя не выходили из головы слова майора: «Вот и сожжем!». Мысли об исполненном догаде смесились с воспоминаниями о Калюком, о «Деде Водяном», о Волге... Порой Николаеву казалось, что его укачивает волна, что он куда-то плывет...

Прошло больше часа. Вошел устный солдат и поставил на пол, не глядя на матроса, кружку с чаем. Николаев не дотронулся до чая. Он потрунелся в тяжелый, как збытие, сон.

В полночь его разбудили пиком и заставили выйти на улицу. Было очень тепло, только ярко горел костер возле дерева со срезанной с нарванной веревочкой. Солдаты в черных плащах подбежали к Николаеву и положили к дереву, в руках одного из них были ременные вожжи.

— Едем! — донесся шапугу кто-то Николаеву, но матрос даже не оглянулся. Он решительно шагнул вперед, но, ступив на болотную ногу, упал и потерял сознание.

Очнулся лишь на мгновение, когда пламя линуло его ноги, прижавшие к дереву. Последнее, что мелькнуло у него перед глазами, было удивленное, вытнутое лицо маленького устного солдата и сотни ярки, вдруг окружившихся в бешеном хороводе звезд...

Через два дня отряд морской пехоты вытеснил немцев из леса и занял деревню. Морские нашли обугленное тело и бесхозную Николаева. В сважном номере газеты появилась заметка за той же подписью: «Дед Водяной». Очередной премией этого псевдонима рассказывал о мужестве советского моряка, принявшего смерть на костре, но не позволявшего выдать военную тайну.

БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Фото В. Тюкнеля.

КАК СЛУШАТЬ МУЗЫКУ

Трудно переоценить значение музыки в нашей жизни. Музыка сопутствует человеку от колыбели до последних его дней. Она способна пробудить большие стремления, порывы, явить бодрость, поднять настроение. Музыка может успокоить и растрогать. Она оказывает благотворное влияние на душевный мир человека, помогая ему стать более отзывчивым, сердечным, внимательным к окружающим.

Вот, например, какое впечатление произвела музыка на Л. Н. Толстого. «Всякий, кому случалось наблюдать Льва Николаевича слушающим музыку, — вспоминает проф. Н. Н. Гусев, — мог убедиться в том, какое сильное действие оказывала на него музыка. В лице его появлялось особенное выражение... взгляд устремлялся вдаль и очень часто он не мог сдержать выступавших на глаза слез».

Лев Николаевич называл музыку «высшим в мире искусством».

А особенно, какое значение придавал музыке Гоголь. В ней он находил силу, способную захватить человека: «О, будь же наши хранилель, спаситель, музыки! Не оставяй нас! Будь чаще наши меркантильные души! Ударяй резко своими звуками по дремлющим нашим чувствам!».

Глубоким знатоком и страстным любителем музыки был великий Ленин. Для Владимира Ильича не было лучшего удовольствия, лучшего способа отдохнуть от кабинетной работы, как послушать музыку... Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колени, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения», — вспоминает П. Н. Лепешинский.

Способность воспринимать музыку — врожденное качество каждого человека. Однако понимание музыки дается не сразу. Слушателю не всегда удается постичь то содержание, ту мысль, которую стремится вложить в свое сочинение композитор. И поэтому зачастую у молодых людей, прослушавших впервые какое-нибудь сложное произведение — симфонию, сонату, увертюру, — возникает вопрос, а что же хотел выразить автор. Молодые читатели в своих письмах часто просят совета, как научиться понимать серьезную музыку, как развить в себе музыкальное чувство.

Об этом же говорит и письмо студентов симферопольского сельскохозяйственного техникума:

«...Уже несколько раз, — пишут они, — пытались мы слушать увертюры, симфонии и оперы, найти в них что-то жизненное, но ничего не получалось. Вот передавали по радио «Рассвет на Москве-реке» Мусоргского, и мы свободно вдохнули, когда закончилась музыка».

Почему студенты не смогли разобраться в одном из прекраснейших произведений? Объясняется это прежде всего недостатком музыкального чувства у молодых людей. Чувство это не возникает сразу, оно растет постепенно и, развиваясь, переходит в сознательное восприятие музыки. Человеку, начавшему слушание музыки с самых сложных ее форм, безусловно, бывает трудно. Ему необходимо предварительная подготовка, которая позволит расширить музыкально-эстетический кругозор. Ведь музыка — своеобразный вид искусства. Она обладает своими особыми средствами для выражения многообразия

окружающего нас реального мира. Чтобы ярче, лучше понять то или иное произведение, приходится иногда изучать эпоху, в которую творил композитор, его думы, настроения, владевшие им в то время. В одном случае это бывает легче сделать, так как сочинение имеет программу и содержание его в какой-то степени объяснено автором в заглавии или эпитафии. Например, «Балетная» Глинки, «Князь Игорь» Ладова, «Рассвет на Москве-реке» Мусоргского. Один из циклов фортепиальной миниатюры Чайковского — «Времена года» — имеет для каждого месяца, кроме подзаголовка, эпитафию. Так, пьеса, посвященная июлю, названа «Песня косаря». Эпитафия к ней взята из стихотворения А. Кольцова: «Раззудили, певич! Размахни, рука! Ты пахнй в лицо, ветер с попутной! Этот эпитафия облегчает слушание пьесы, создает необходимое настроение, он как бы помогает слушателю нарисовать зримую картину, которую имел в виду автор.

Видно, и студентам из Симферополя прежде, чем слушать увертюру к «Хованшине» «Рассвет на Москве-реке», следовало бы познакомиться с историей написания и замыслом оперы.

В начале увертюры, как вы помните, звучит легкая, плавная мелодия, рисующая картину рассвета. Легкая дымка тумана стелется над ровной гладью спокойной реки. Правый берег тесно застроен почерневшими от времени деревянными домами, сараями, каменными церквями с островными колокольнями. На противоположном обрывистом берегу высится Кремль, золотавые соборы, дворцовые постройки. Появляется основная тема «Рассвета» — неторопливая мелодия, напоминающая одну из русских народных песен. В ней как бы слышится просыпающаяся Москва — крики петухов, перезвон церковных колоколов. В оркестре явственно звучит партия скрипок. Неповторимые, чарующие звуки воплощают собой рассвет. Солнечные лучи разгоняют остатки утреннего тумана.

Образ рассвета не случаен. Он символически подчеркивает начало зари новой жизни, восходящей над древней Русью.

Кроме программных произведений, есть много сочинений, в которых композитор не дает никаких дополнительных объяснений. В заголовках лишь указано название формы — соната, симфония, этюд и т. д. Естественно, что постигнуть музыку таких композиций для неподготовленного человека более трудно, «программы» их или содержание обнаруживаются постепенно.

Часто по радио и в концертах исполняется знаменитая фортепианная соната Бетховена

Фото О. Цесарского.

«Аппassionата», Попытаемся разобраться, что хотел выразить в ней автор. Нам придется вспомнить эпоху, в которую создавалось произведение. Это 1804 год — период тяжелых переживаний композитора. Как известно, Бетховен вначале симпатизировал Наполеону Бонапарту, ошибочно видя в нем народного героя, борющегося за освобождение от монархической тирании. Но вот в 1804 году Наполеон уничтожает остатки республиканского народа, узурпирует власть и провозглашает себя императором. Композитор глубоко разочарован и потрясен. Он убедился, что героиндивидуалисты не могут быть носителями свободы, ее должен завоевать сам народ. В это же время начинает прогрессировать страшный недуг музыканта — глухота. Но воля и дух Бетховена не сломлены, они зовут его к протесту, к новой борьбе и победе.

Все эти чувства, мысли и переживания нашли отражение в изумительной сонате «Аппassionата». Сам Бетховен, объясняя содержание этого произведения, говорил: «Прочтите «Бурю» Шекспира».

Я видел, как боролся он с волнами.
Верхом на трюмной воде расцвел;
Вражду стихии собою он смолот,
Встретая грудью бурный вал.

Эти строки могут служить ключом к пониманию сонаты.

В начале «Аппassionаты» музыка как бы передает настороженное ожидание, в котором постепенно слышится беспокойство, внезапно обрываемое грозными порывом. Раздаются возгласы тревоги и отчаяния, уносимые вихрем развращающихся событий. Создается картина начинающейся бури. За первой частью — бурной, стремительной — вторая часть, в которой как бы рассказывается о красотах жизни, искупающих невзгоды и лишения. Но действительность неумолима. В последнем, финальном эпизоде вспыхивает гневный протест и призыв к продолжению непримиримой борьбы.

Бетховен сумел гениально воплотить в звуках чувства сомнений и надежды, охвативших его. Как известно, эта соната получила высокую оценку В. И. Лениным. «Ничего не знаю лучше «Аппassionаты», — говорил Владимир Ильич, — готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Как же слушать музыку? Понятно, что все стороны этого сложного вопроса невозможно осветить с исчерпывающей полнотой. Да мы и не брали на себя такую задачу. Нам лишь хотелось помочь молодому и недостаточно опытным слушателям найти правильный путь к восприятию музыки.

В дореволюционной России в зажиточных семьях и учебных заведениях для детей дарили преподавателя игра на различных музыкальных инструментах. Музыка предназначалась только для избранных. Другое сейчас. «Социалистическая страна», — говорил Никита Сергеевич Хрущев в докладе XX съезду КПСС, — «может и должна поставить дело воспитания детей неизмеримо лучше и совершеннее, так как мы должны формировать не кастовый класс аристократии, глубоко враждебной народу, а строителей нового общества, людей большой души и возвышенных надежд, беззаветного служения своему народу, который идет в авангарде всего прогрессивного человечества».

Начинать музыкальное воспитание никогда не поздно. Для этого в нашей стране созданы огромные возможности. В каждом городе, в каждом уголке нашей Родины тысячи людей заполняют ежедневно концертные залы, там организуются симфонические и камерные концерты, создается музыкальный лекторий. Год от году их становится все больше. И хочется пожелать молодому читателю не лишиться себя красот полезного и важного искусства, настойчиво совершенствовать свое музыкальное чувство, расширять эстетический кругозор.

В. НЫКОВА,

кандидат искусствоведения.

ПЕРВАЯ УДАЧА

НАША ИНТЕРВЬЮ

Кто из нас не помнит Дулину из шолоховского «Тихого Дона», веселую, смешливую девушку, которая затем становится женой коммуниста Михаила Кошевого? Образ этот в романе очень сложный; перед читателем, по существу, проходит вся сознательная жизнь Дулины, проходит процесс превращения угловатой девочкой-подростком в женщину с сильным характером.

Когда ставил вопрос о том, кому поручить роль Дулины в фильме «Тихий Дон», пришлось задуматься. Где найти актрису, способную воплотить этот яркий образ в кино? Однако первые же пробы, проведенные с молодой актрисой Натальей Архангельской, увенчались успехом. На экране она именуется Дулиха Мелехова, о которой с такой лиричностью и мягким юмором рассказывал в своем романе М. Шолохов.

В процессе съемки фильма перед молодой исполнительницей, студенткой Государственного института театрального искусства, впервые выступавшей в кино, встали трудности, которые могли смутить и более опытную актрису. Роль требовала предельной простоты и естественности, причем образная интонация и манера, если актриса на каком-то времени сыграла с окружающей средой, вынужденно прислушивается и говорит жителям придонских станиц.

Нардо сказать, что Архангельская справилась со всеми этими задачами и показала себя одаренным человеком. Отличительной особенностью ее дарования является умение мгновенно, «с места», брать самые трудные по своей эмоциональной задаче эпизоды. Она обладает способностью находиться постоянно в состоянии полной творческой активности, поэтому почти любой эпизод с ее участием снимался обычно не более двух раз. Справитесь с ролью молодой актрисы помогло ее завидное трудолюбие. Стремясь снискать с образом, войти в быт сельской жизни, Наталья Архангельская носила траву, носила воду с реки, выполняла все возможные хозяйственные дела в станице, где проходили съемки. Поэтому на экране ее поведение выглядит правдивым и естественным. Основная часть роли Дулины приходится на третью серию фильма, и Наталья Архангельская предстает впереди еще серьезная и ответственная работа. Понимая, что похвалы прессы и зрителей могут вскружить голову человеку и с большим жизненным опытом хочется предоставить молодую артистку от самоценности и пожелать ей самостоятельности в оценке собственной работы и творческой готовности.

Надеемся, что способная артистка и впредь будет радовать зрителей отличной игрой, основанной на глубоком осмыслении роли и верности жизненной правды.

Народный артист СССР
С. ГЕРАСИМОВ,
режиссер-постановщик кино-трилогии «Тихий Дон».

1

Студенты Новосибирского инженерно-строительного института организовали свой аэрадный оркестр. Выступления этого музыкального коллектива пользуются большой популярностью. Репертуар оркестра разнообразен. В него входит немало песен, музыку и слова к которым написали сами студенты. Этот снимок сделан во время репетиции.

Фото Ю. Чернышева.

Скалистые горы и непроходимый тайга — вот типичный пейзаж тофаларии.

Еще до отъезда в Тофаларию — этот край оленьих троп, гор и лесов — наша пестрая группа любителей дальних походов по родной стране собиралась в Московском клубе туристов. Три студента-художника, будущие финансы, инженеры, научные работники рассматривали подробные карты Восточной Сибири, измеряли расстояние, продумывали детали снаряжения. Нам предстояло пройти 450 километров по интересному и трудному маршруту в Восточных Саянах.

И вот мы в Верхней Гутаре, отправном пункте нашего путешествия.

Чужая природа этого далекого сибирского края, где живут тофалары — маленький народ охотников и оленеводов. Печально их прошлое. Недами ночевали тофалары по тайге. В пути рождались, в пути умирали. Раз или два в год охотники выходили из лесов, чтобы обменять пушнину на оружие, порох, предметы первой необходимости. Хитрые-хитры беззащитно обирали доверчивых тофаларов, которые жили впроголодь, гибли от тяжелых ангаремских заболеваний.

Только Октябрьская революция спасла этот маленький народ от пылинки. Совсем другая жизнь теперь у тофаларов. Они объединились в колхозы и стали жить оседло. На смену старым дымящим палашам, крытым норкам или звериными шкурами, пришли деревянные дома, обставленные мебелью.

В поселках есть школы и клубы, магазины и амбулатории, дегтевые ясли и радио. Раньше среди тофаларов не было ни одного грамотного. Теперь все они грамотны, многие имеют среднее образование, появились свои национальные интеллигенции.

Тофалары — охотники, оленеводы, проводники — помогли во всех деталях обдумать план похода. Наш маршрут окончательно «лег на карту».

Мы рубим плоты.

На стойбище оленеводов.

Тюфалары — отличные охотники, они добывают много пушнина. Наряду с охотничьим промыслом в Тюфаларии успешно развивается оленеводство. С каждым годом множатся колхозные стада. Знатные оленеводы и охотники часто являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

С большим мастерством работают тюфалары проводниками в различных научных экспедициях, помогают в поисках полярных ископаемых. Малочисленный, но воспроизводящийся народ вовлекается в общую жизнь страны.

Итак, наш поход начался. Едва заметная тропка выется вдоль бузных горных рек, прогладит на заболоченных мхах, тонет во мреме водной, взлетает на гребни, пробирается через гольцы и снег, чтобы снова привести в долину. А чаще всего идем без тропы, по компасу и знаниям проводников-тюфаларов. Легко и с достоинством идут они по своему краю, где каждый, даже самый глухой и удаленный уголок им известен.

Останимливаемся обычно у верхней границы леса, под большим одиночным кедром или елкой. Здесь, на высоте, хороший корм для оленей, нет гнуса, прохладно. Шумит ручей, стучат топоры, уходит вверх дым костра. И каждый день, на каждом бывае всегда острое ощущение новизны.

Изучительны по красоте и разнообразию приroda Саян. Везде следы зверей, голоса птиц, сочная яркая зелень трав и лесов.

В центре Саян — пик Гриддиловый, самая высокая точка Саянских гор, с ледниками и снегом. Шесть человек на нашей тропе совершили на него восхождение.

Часть маршрута — спуск по бурной реке Казару. Берега его скалисты, завалены булыжником, даже звериные тропы нет, поэтому идти берегом с грузом невозможно. Принимались за трудную работу: на толстых, длинных бревна рубим плоты. Наконец все уязвано, зашпигано

Нелегко убить такого медведя, нелегко и вынести его из тайги. Но стоит потрудиться: вкусное мясо на несколько дней заменит надоевшие консервы.

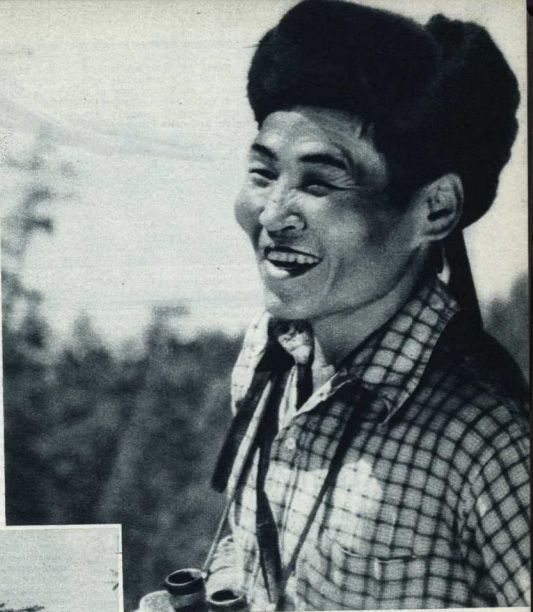
Детский сад Верхней Гутары отправляется на прогулку.

от воды. Поток подхватывает и стремительно уносит нас вниз по течению. Это — опасное и трудное путешествие. Сплошные пласы чередуются с каменными мелкими порогами. Больших усилий стоит их миновать. После каждого порога мы мокрое с ног до головы. Вопереди бивак и большой общий костер, у которого можно обсушиться, обсудить события богатого впечатлениями дня...

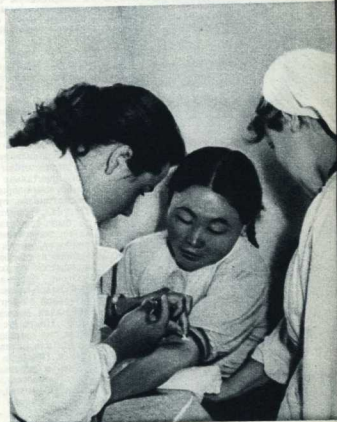
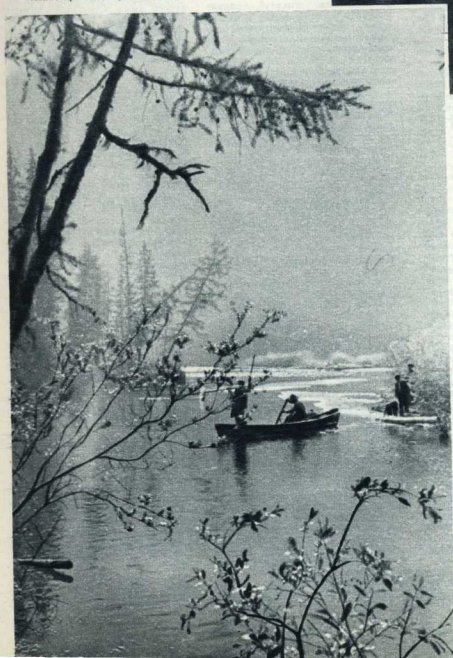
Путь подходит к концу. Появляются горы, спокойнее река, шире пойма. Вот уже желтеют спелые поля пшеницы. Вскоре перед нами раскинулось, по берегу Казыра первое село: мы вышли из тайги.

Незабываемые впечатления о далеком прекрасном уголке нашей Родины — Тофаларин, — хорошую физическую закалку и замечательную зарядку бодрости получили все участники этого трудного, увлекательного похода.

Таних красивых уголков в Тофаларин много.

Любит и хорошо знает свой край Григорий Тутаев. Он был одним из наших проводников.

В область далекого прошлого отошли шаманы. Теперь в каждом поселке есть медицинский пункт.

ТАЙНА «ПРИНЦЕССЫ КАШМИРА»

РАССКАЗ АВИАИНЖЕНЕРА
АНАНТА ШРИДАРА КАРНИКА

(Продолжение. См. «Смену» № 1).

В апреле 1955 года экипаж индийского самолета «Принцесса Кашмира» получил задание доставить в Вангунг на конференцию солидарности стран Азии и Африки представителей народного Китая. После вылета из Гонконга, когда «Принцесса Кашмира» находилась над океаном, в самолете вдруг взорвалась бомба, подорванная чей-то преступной рукой. Возник пожар, загорелось правое крыло самолета. С каменной мушкетерской приближалась неминуемая катастрофа. Но экипаж и пассажиры, несмотря на угрожающую им смертельную опасность, сохранили полное спокойствие. Исключительное мужество проявили командиры корабля капитан Джаттар. Отдав все необходимые распоряжения, он решил посадить горящий самолет на воду.

Положение становилось все более и более трагическим, и капитан Джаттар решил посадить горящий самолет на воду. Смертельная опасность нависла над каждым из нас. Я посмотрел на пассажиров и был поражен их невозмутимостью. То, что мне казалось неизбежным, не случилось: никакой паники не было. Все спокойно сидели на своих местах в ожидании неминуемой катастрофы.

Я снова подошел к окну. Пламя уже вплотную подбиралось к баку. Аплотнее еще минута—другая, и все будет кончено!—мелькнула в голове страшная мысль.—Никогда, никогда больше и я не увижу моих родных, мою дорогую невесту. И вдруг на багровом фоне блинущего пламени возникли созданные моим воспаленным воображением дорожки, милые черты любимой девушки...

Обытлый огнем самолет снижался всего несколько минут, но эти роковые минуты показались мне вечностью. На всю жизнь врезались в память мельчайшие подробности разглагольствовавшей в воздухе драмы.

Огонь достиг окна. В пилотской кабине стало нестерпимо

жарко. Джаттар и Дикштун старались удержать самолет в равновесии. Они призывали на помощь все свое умение, всю силу воли. Гидравлическая система вышла из строя. С каждой минутой уменьшалась плоскость правого крыла. Это сильно затрудняло управление самолетом.

Патхак стоял за спиной пилотов, пристально всматриваясь в безбрежный простор океана: он высматривал группу островов Натуга, в районе которых решено было сделать посадку. Декунха ян на секунду не отходил от приборов, следя за давлением в кабине и скоростью быстрого снижения самолета.

Огонь бешувал с возрастающей силой, угрожая людям мучительной смертью. Но люди проявляли железную выдержку и волю. Никто не покинул своего места, не выказывал признаков боязни или отчаяния. Гаория, Десуа и Пимента все время находились в салоне, вescиcки стараясь отвлечь пассажиров от мрачных мыслей, возбужденных их своим примером стойкости и бесстрашия.

Вспомнил, что в служебной кабине нет спасательных поясов, я взял несколько и отнес их pilo-

там. Возвращаясь, я столкнулся с Гаорией. Спокойствие, видимо, давалось девушке нелегко: ее лицо было мертвенно-бледным. Когда через минуту я опять вошел в кабину, Гаория надела на себя такие же пояса, как и я, и сказала она подумала в последнюю очередь...

Я подошел к капитану Джаттару и, стараясь не выдавать волнения, сказал ему:

— Через две—три минуты может отвалиться крыло...

— А мы уже садимся,—ответил Джаттар спокойным голосом. Теперь, когда самолет снижался, возникла, пожалуй, самая важная и в то же время трудная задача: нужно было открыть запасные выходы. Я с нетерпением ждал приказа, а оно могло поступить только в том случае, если cabina будет полностью освобождена от давления. Иначе не удастся открыть запасные выходы.

Секунды тянулись, как годы. Опасность все возрастала. Огонь уже пробрался в основную часть самолета и достиг мотора № 3. Об этом, заметив волнующиеся, доложила командир корабля Декунха. И тут же последовало приказание:

— Выключить мотор!

После того, как cabina была освобождена от давления, капитан Джаттар наконец сказал, обращаясь ко мне:

— Карник, откройте запасные выходы.

Это требовало выполнения без промедления. Все выходы должны были быть открыты прежде, чем самолет ударится о воду. В момент удара, даже при самой осторожной посадке, фюзеляж может деформироваться, и тогда вряд ли удастся открыть плотно пригнанные окна и двери.

Наружная обшивка раскалилась докрасна, и в кабине буквально нечем было дышать. В ближайшем от меня окне воцарилась полыхающая огонь. Я уловил, что правое крыло все еще не отвалилось.

Несмотря на полную безнадёжность нашего положения, у каждого теплилась в сердце искорка веры в спасение. Жизнь любого из нас висела на волоске, но никому не хотелось примириться с мыслью о близкой и неминуемой гибели.

Я нажал на затвор окна, выходящего на левое крыло. Окно не поддавалось, и мне стало ясно, что давление в кабине все еще выше атмосферного. Но мед-

лить нельзя было. Я изо всех сил надел на руку. Она наконец поддалась, и воздух со свистом устремился наружу. Когда мне удалось открыть еще два запасных выхода, а салон наполнился клубом густого, черного дыма, Я остановился: вместо того, чтобы выходить наружу, дым втягивался во внутрь! Это, очевидно, происходило оттого, что самолет летел вниз почти в вертикальном положении. Я бросился в штурманское отделение, чтобы и там открыть запасной выход. Едва я опустился на пол раму окна, как почувствовал, что задыхаюсь от сапого дыма. Страшная слабость овладела мной. Руки стали тоньше, ноги подкашивались. Один глоток свежего воздуха вернул бы мне силы, и я смог бы открыть основную дверь. Но сейчас я не в состоянии был сделать и нескольких шагов.

Дым проник и в пилотскую кабину: в ней стало так темно, что на расстоянии шести дюймов ничего не видно было. Джаттару и Дикштуну с трудом удалось разглядеть сквозь пелену дыма цепочку островов, промчавшихся под горящими крыльями «Принцессы Кашмира». На островах возмывались горы, и возникла еще одна угроза: при вынужденной посадке врезаться в них.

Но вот откуда-то ударила широкая струя свежего воздуха. Это Дикштун открыл перелесное окно пилотской кабины. Все влохмурилось с облегчением. Каждый, казалось, не дышал, а пил этот прохладный воздух, напоенный бодрящей свежестью расставившегося под нами океана.

Теперь самолет парил выше в нескольких футах от воды. Он вот-вот должен был удариться о нее всей своей тяжестью. Как жаль, что я не успел открыть главный выход! Меня успокоила мысль, что Десуа и Пимента, возможно, сделали это за меня. «Ведь если главный выход закрыт,—думал я,—пассажирам будет трудно под водой выбраться из самолета...»

У меня просто уже не оставалось времени выйти из штурманского отделения, и я решил встретить смерть здесь. Совершенно машинально я положил руки на штурманский стол и, наклонившись, опустил на них голову. Через какое-то мгновение я услышал всплеск воды, и тотчас же под мной много бурно провалилось. Откуда-то сверху с шумом хлынула вода. И я вдруг все как-то странно затихло.

мое внимание привлекала какая-то белая точка, баватавшая в воде: она то показывалась над волнами, то снова исчезала в пучине. Точка все увеличивалась, и через несколько минут я уже мог разглядеть ее.

— Дикшит! — вырвался из моей груди радостный крик.
Да, то был Дикшит. Совсем близко от него бушевало пламя.
— Скорей плыви от огня! — крикнул я ему каким-то чужим, истонченным голосом.

Он, очевидно, услышал мой вопль и поплыл ко мне.

— Скорее, скорее, капитан! — горела у Дикшита, сам не понимая, почему называло его капитаном. Ведь он был моим близким товарищем, и, обращаясь к нему, я всегда произносил его имя по-дружески — Дикшит или просто Дикши.

Он очень медленно удалялся от огня, и я решил оставить обломок, за который держался, и поплыл навстречу Дикшиту. Но не тут-то было: как только я выпустил из рук обломок, он перевернулся и, став на ребро, начал тонуть, таща и меня за собой в пучину. Уже находясь под водой, я почувствовал, что произошло: равный край металла зацепил мою брошку. Я изо всех сил удерживал ногу об обломку и, освободившись от него, выплыл на поверхность.

Я сильно порезал ногу. Но не это волновало меня в ту минуту. Надо было спешить на помощь Дикшиту. Только сейчас я вспомнил о спасательном поясе и, извлекши из кармана, резко оттолкну его. Пояс автоматически наполнился воздухом. Теперь я мог держаться на поверхности почти без усилий.

Когда я подошел вплотную к Дикшиту, он сказал мне:

— Карник, у меня, наверно, сломана ключица, прошу тебя, не оставляй меня!

— Не беспокойся, Дикши! Я не оставлю тебя!

ОДНИ В ОТКРЫТОМ ОКЕАНЕ

Не проплывши мы с Дикшитом и двадцати ярдов, как услышали знакомый голос. Это был штурман Патхак. Он давно уже заметил нас, но сильное течение отнесло его в сторону, и ему стоило огромных усилий приблизиться к нам.

Итак, нас уже было трое — в безбрежной пустыне океана. Но где остальные? Неужели никому больше не удалось спастись? И как бы я ответил на этот вопрос со стороны причудливых творений, все еще полыхавших на воде, послышались крики, а затем доносились слова, произнесенные по-английски:

— Where are you?

— Кажется, это Декунх! — мелькнула в голове догадка. Как помочь ему? Как преодолеть исподволь усилившуюся опасность? Однако мы не могли оставить товарища в беде и, как по команде, подняв над головой руки, крикнули в один голос:

— Помоги нам!

Впрочем, наш дружеский призыв оказался излишним: Декунх в тот же миг подхватил течение, и он стал медленно приближаться к нам. Значит, нас было уже пятеро!

Мы старались, насколько было возможно, держаться вместе, не отрываться друг от друга. Дикшит, Патхак и я плыли впереди, а те двое следовали за нами на сравнительно небольшом расстоянии.

Теперь течение помогло нам: оно отнесло нас на юг, и мы все больше удалялись от огня.

С каждой минутой отчетливее вырисовывались очертания пыльных жаров, и я почувствовал, что течение слабеет. Плыть становилось все труднее. Порой мне казалось, что мы стоим на одном месте. Если невзрачных мучений нам удалось приблизиться к одному из трех островов. Мы уже видели его зеленый пологий берег, высокие ковровые луга. Земля! Нам казалось, что до нее рукой подать, но как мы ни старались плыть быстрее, расстояние между нами и островом почти не сокращалось.

Потом, как и прежде, уже смирал ли ст? — А между тем все больше и больше давала себе чувствовать усталость. Каждый из нас страдал от острой боли, которую причиняла жара. У Патхака в двух местах была перебитая рука, у Дикшита сломана ключица, у меня сильно болела порезанная ступня, и я с трудом двигал порезанной левой рукой. Что касается тех двоих, которые плыли позади, то мы не знали, в каком они состоянии.

Обусловив создавшееся положение, Дикшит, Патхак и я решили, что один из нас должен окажется наиболее выносливым, — первым доберется до острова, чтобы быстро принять меры для спасения остальных с помощью воздушной насадки. Я лично сомневался, обитаям ли остров, но Дикшит был глубоко уверен, что там есть люди.

Презвогая усталость и боль, мы направили последние силы, чтобы засветло доплыть до берега. Солнце опускалось все ниже. Вот оно уже коснулось линии горизонта, окрасив в пурпурный цвет небо и воду. Изумрудные острова, озаренные зяком, обрели сказочный вид и все больше походили на яркие, дразнящий цветущей жизнью. Далеко позади выдвигалось черное облако дыма — все, что осталось от «Принцессы Кашмира».

Патхак вырвался вперед на дюжину ст ярдов. Согласно уговору, он первым пытался достигнуть берега, чтобы организовать там помощь. Связь с Патхаким мы поддерживали свистками, которыми были снабжены наши спасательные пояса. На поясе у Дикшита имелась даже электрическая лампочка. Когда опустится темная тропическая ночь, этот крошечный огонек служил для нас маяком, и мы не чувствовали себя таинким одиноками в океане.

Дикшит и я продолжали плыть рядом. Мы были уверены, что Патхак либо уже достиг бе-

рега, либо скоро доберется до него.

— Я надеюсь, что Патхак разберется с нам с лодкой, — то и дело повторял Дикшит. Его слова были похожи на бред. Чувствовалось, что Дикши сам мало верит в них, но ему, как и мне, так сильно хотелось жить, что он и мысли не допускал о смерти.

— Я тоже надеюсь, — отвечал я другу, не раздумывая. — Наверно, Патхак уже на острове, и скоро мы будем спасены.

Может быть, Патхак действительно достиг берега? Но что с теми двумя, которые плыли позади нас?

Кругом стояла напряженная тишина. На мои окрики и свистки Дикшита никто больше не отзывался. Неужели нас осталось только двое в открытом океане? Дикшит боялся, что в течение мы потеряем друг друга, и ему пришла в голову счастливая мысль. Вспомнив о том, что на спасательных поясах было прикрепено по футу лишней тесьмы, он предложил связать оба конца. Я с радостью сделал это. Сейчас нам уже не страшна была грозная океанская волна. Прочная парусиновая тесьма, скрепленная морским узлом, надежно связывала нас, и мы действительно отныне, как один человек: я греб своей здоровой правой рукой, а Дикшит — неподражаемой левой.

Что бы теперь ни случилось, как бы над нами ни потешалась судьба, мы все время будем вместе. От этой мысли стало немного легче на душе. Однако наши скорые снова овладели беспокойством. Течение, которое опять начало усиливаться, мешало держаться нужного направления. В довершение

Командир корабля «Принцесса Кашмира» капитан Дикшат.

всех бед возникла опасность по-падения акулы: в этой части океана она обычно разгуливает ночью целыми стадами. Крова-стала в жилах при одной только мысли о встрече с «акулами-лю-доедами».

Чтобы окончательно не сбиться с пути, мы решили палатка мож-но медленнее. Важно было так-же не тратить лишней энергии и сил, иначе мы вряд ли смогли бы продержаться на воде до рассве-та. Дикшит и я начали освобо-ждаться от лишнего груза, с не-мощным трудом стянули с себя верхнюю одежду. Вместе с ней ко-ду пошли наши очки, бумажни-ки с документами и вещами, ключи и другие карманные вещи. Кое-как разделившись, мы легли на спину и, оттолкнувшись ногами, ед-ва заметиво поплыли вперед.

И я и Дикшит в глубине души понимали, что, прежде чем нас спасут или нам удастся самим до-браться до берега (если этому во-обще суждено случиться), может пройти много времени. Если же нас ожидает смерть, то она будет медленной и мучительной—смерть от голода, жажды и физического истощения. Это еще больше омра-чало наше настроение, и мы ста-лись, как только могли, успокаи-вать друг друга. В наш тихий, отрывистый разговор часто врива-лись слова гнева и возмущения по адресу подлых преступников, которые вместе с «Принцессой Кашмира» погубили столько не-винных жизней. Мы с Дикшитом поклялись стоек переносить все муки, все испытания судьбы, но спастись, спастись, хоть бы ради-того, чтобы поведать потом миру об этом черном злодеянии. Мы обязались выполнять свой граждан-ский долг перед нашей родиной, попомнить кланским заветам чте-ственное имя пилота Джатара, дать решительный отпор тем, кто старается нанести ущерб presti-жу Индии. Да, мы должны жить. Жить во что бы то ни стало.

Дикшит посмотрел на сияю-щийся циферблат своих водонеп-роницаемых часов. С того вре-мени, как «Принцесса Кашмира» скрылась в волнах, прошло ровно четыре часа. Значит, на всем зем-ном шаре уже узнали о тайном исчезновении самолета и, может быть, считают нас погиб-шими.

Смерть по-прежнему подстере-гала нас в открытом океане. Не-ужели четыре часа напряженной борьбы за жизнь закончатся теш-нотой? А что принесет нам утро: гибель или спасение?

ПЕСНЯ СРЕДИ ЧЕРНОЙ НОЧИ

Непроглядная тропическая ночь-только вступала в свои права, и до рассвета было очень далеко. О, как долго нам еще предстояло качаться на волнах в томитель-ном ожидании утра!

— А не попоробовать ли нам вздремнуть?—а вдруг предложил Дикшит.—Сперва ты, а потом я. Сразу я было принял это за шу-тку, но, подумав, одобрил идею друга.

— По очереди можно, но спер-ва вздремнешь ты, а я буду бодр-ствовать.

Но Дикшит никак не мог засну-ть. Единственное, что ему уда-лось,—это почти неподвижно ле-жать на воде и ни о чем не ду-мать. Во всяком случае, он дал

отдых своим мускулам, и этого уже было достаточно.

Я спал, работая только правой рукой, а левой поддерживая Дик-шита. Мы двигались со скоростью улитки, и это ему, должно быть, чертовски надоело. Вынужденное бездействие и сознание своего бессилия перед несчастьем сильно угнетали нас обоих. И вот совер-шенно неожиданно Дикшит на-чал усиленно грести здоровой ру-кой. Я не раздумывая, последо-вал его примеру, и мы снова по-плыли с ним вперед—в ночную темень, в неизвестность...

Вспоминая ту ужасную ночь, я часто задаю себе вопрос: откуда у нас вылезло тогда столько энер-гии? Как мучил голод, томил жа-жда, невыразимо болели раны, разрезаемые соленой морской во-дой. Как же мы все это вынесли? Как выстояли? Любовь к жизни, воля к жизни—вот что помогло нам в ту незабываемую ночь пройти через все испытания.

Проплыв несколько десятков метров, мы вдруг замерли, не смея верить своим глазам: до нас доносился отдаленный рокот мото-ра. Да, сомнений быть не могло: с юга приближался самолет, и вполне вероятно, что он разыски-вал нас.

Гул мотора нарастал, и вскоре самолет с ревом пронесся над на-ми. Мы увидели рубиновый и си-ний огоньки на его крыльях и два дополнительных красных сигнала на фюзеляже. Это означало, что самолет выполняет специальное задание. Но, к великому нашему огорчению, свет лампочек, направ-ленных Дикшитом в местное небо, не был замечен. Мы надея-лись, что самолет сделает не-сколько кругов и тогда ему лег-че будет нас обнаружить, но на-ши надежды не оправдались. Пролетев над нами, он стреми-тельно скрылся в северо-запад-ном направлении, вызвав у нас чувство горького разочарования и досады.

Мы с Дикшитом удивлялись то-му, что с самолета не заметили достаточно яркого света нашей лампочки. Это было по меньшей мере странно и непонятно.

— Нам нельзя слишком наде-яться на постороннюю помощь,—сказал я Дикшиту.—Будем луч-ше рассчитывать на свои собст-венные силы.

И мы снова поплыли. Во время одной из передышек Дикшит вдруг спросил меня:

— Карник, ты умеешь петь?

Я подумал, что ослышался, и попросил повторить вопрос.

— Я спрашиваю, умеешь ли ты петь, дружище?—повторил Дик-шит.

У меня, к сожалению, нет такого дара, ответил я,—но если тебе уж так захотелось по-слушать что-нибудь в моем испол-нении, то могу в виде исклю-чения спеть.

Прочту тебе, Карник. Ина-че с ума сойду от этого дьяволь-ского одиночества, от этого бес-конечного купания!

Как было не уважить просьбу друга в такую трагическую мину-ту? И я запел. И над океаном среди черной ночи поплыла та-кая индийская песня. Видимо, знакомая мелодия напомнила Дикшиту о родине, о нашей до-рогой Индии, и он поплыл впе-ред с удвоенной силой.

(Продолжение следует)

Рисунок немецкого художника
Е. Кйочевского.

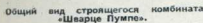
МОЛОДЕЖЬ СТРОИТ «ШВАРЦЕ ПУМПЕ»

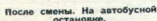
На этом участке трудится молодежная бригада имени Кайсы Реймана, завоевавшая славу бригады отличной на-дирации.

В этой старой гостинице жили первые строи-тели небоскроба. Она называлась «Шварце Пумпе», что означает «Черный насос». Та-кое название рабочие присвоили и комбинату. Здесь, в кафе, и сегодня можно встретить ветеранов стройки.

[illegible]

Гергард Чипчак (справа) пришел на стройку с первой партией рабочих. Сейчас он возглавляет молодённую бригаду плотников. Его рационализаторские предложения приносят большую экономию.

Басня

А есть ведь матери, что вроде
куриною страдают слепотой.

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Dinner

Давно пора
Судить злодея беспощадно...
Хоть подлиси в том заявленье нет,
По почерку распознан короед.
Иван ДАНИЛОВ

Бад

Басня
Впряженные в телегу два Вола
Тянули груз постепенно вдоль села.
Телега ж тахотела
И скрипела.
Такой

Такой несносный поднимала гром,
что затыкала уши все кругом,
— первый Вол напарника спросил:
— Мы молча тнем из последних сил,
Зачем же шум телега поднимает?
— И тот на это отвечает:
— Так повелось на свете, брат:
Одни работают, другие тарыхтит...

Перевел с армянского
В. ЛЕВШИН.

Цена номера
7 руб.

